

This document is part of The Vaynakh Vault archive
You can contribute right now to the conservation of our heritage at
vayvault.com

vaynakh
the vault

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Сборник научных статей

Печатается по постановлению ученого совета Чечено-Ингушского ордена "Знак Почета" института истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР

Р е д к о л л е г и я :

В.Ю.Гиреев, А.Д.Тимаев, О.В.Чапанов /ответственный редактор/.

Р е ц е н з е н т ы : кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры вайнахской филологии Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л.Н.Толстого М.Р.О х а д о в ; кандидат филологических наук, заведующий сектором литературы ЧИИИСФ И.Б.М у н а е в .

4с /кав./

С 48

Темплан 1986

С Чечено-Ингушский ордена "Знак Почета" институт истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы словообразования и словоизменения младописьменных вайнахских языков, актуальные в теоретическом и практическом аспектах, до сих пор остаются недостаточно исследованными. В этом плане настоящий сборник является очередным шагом в деле дальнейшего изучения чеченского и ингушского языков. Одни вопросы, поставленные в сборнике, в вайнахском языкознании поднимаются впервые, другие уточняют или по-новому освещают отдельные вопросы вайнахской морфологии. Статьи, вошедшие в настоящий сборник, охватывают обширный круг вопросов и внесут определенный вклад в освещение соответствующих проблем вайнахской морфологии и лексики.

Статья Ю.И.Алироева и О.В.Чапанова "Отражение дифференциации чечено-ингушского дореволюционного общества в социальной терминологии вайнахов" посвящена выявлению и анализу слов, свидетельствующих о наличии в прошлом у вайнахов классовой дифференциации. Ценным в статье является рассмотрение словообразовательной структуры ряда социальных терминов с привлечением материалов из других кавказских языков.

В статье Б.С.Арсемиковой "К модальной характеристике повелительного наклонения в чеченском языке" дан сравнительный анализ форм и значений повелительного наклонения в русском и чеченском языках на материале художественных текстов, а также разговорной речи различных групп носителей чеченского языка.

Статья Т.М.Вагаповой "Образование отчислительных слов и словосочетаний в чеченском языке" представляет различные модели

слов, образованных от числительных способами суффиксации и осно-восложения. Проблема образования новых слов с мотивирующей основой - числительное - это один из актуальных вопросов словообразования. В статье представлены модели каждого способа словообразования. Анализ фактического материала позволяет автору сделать вывод о том, что числительные принимают активное участие в образовании именных и глагольных форм.

В статье В.Ю.Гиреева "Самостоятельное причастие в чеченском языке" впервые подвергаются специальному исследованию как морфологические свойства, так и синтаксические функции самостоятельного причастия чеченского языка. Предпринята попытка решения спорного вопроса о частеречной квалификации самостоятельного причастия.

А.У.Мальсагов и Л.Ю.Кодзоева в статье "К вопросу об образовании учебно-педагогической терминологии ингушского литературного языка" анализируют как исконные, так и заимствованные учебно-педагогические термины. Выделены способы образования терминов этой отрасли. Материалы статьи отражают структуру образования учебно-педагогической терминологии в ингушском языке.

Статья Ф.Г.Оздоевой "Модальные слова и выражения в ингушском языке" посвящена неисследованной проблеме нахского языкознания и представляет первую попытку систематизировать модальные слова по семантико-функциональным признакам. В статье выделены основные группы модальных слов в ингушском языке и рассмотрены их функции.

Предисловие и заключение подготовлены ответственным редактором.

И.Д.Алироев, О.В.Чапанов.

ОТРАЖЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВАЙНАХОВ

Наличие классов и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии до 19 века довольно слабо отражено в исторических документах. В этом вопросе большим подспорьем может оказаться язык и особенно лексика, отражающая как материальную культуру, так и духовную жизнь общества, его общественно-политический строй и культурно-экономические контакты.

Анализ социальной терминологии вайнахов подтверждает наличие в далеком историческом прошлом в Чечено-Ингушетии классов и классовой борьбы. Об этом свидетельствует основная часть социальных терминов, относящихся к древнейшему слою вайнахской лексики. Рассмотрим некоторые из них:

Э л а - "князь", "господин", олали "господство, княжение" /инг. аьла, чеч. але/. Ю.Д.Дешериев возводит слово эла/аьла к общенахскому корню - алая и сравнивает его с хурритским алауни "владыческий", аллай - "госпожа". Хурритский же язык близкородственный урартскому, который функционировал в II - I тысячелетии до н.э.^I

С т у /ту//су/ "княгиня, госпожа, благородная женщина" /инг. сув, ачк. сива, итум. су/. Слово это имеет несколько генетически родственных наименований в нахской номенклатуре родства, общекорневые основы которых имеют рефлексы в иберийско-кавказских языках и, кроме того, аналоги в названиях животного мира: стие//

сие//тие "жена, самка", сиесаг "жена" /стие "самка" + саг "человек"/, инг. сиесаг//сиесаг, бац. пстIу//пстIуин, кист. сунг - су "самка", сту//ту//уст//пстIу в нахских языках и диалектах означает "бык", устагI//устах//уистхо "баран", тус "годовалый кочкар", старгIа "бычок", ср. в дагестанских языках - чамалинское муса "бык".

Л а й "раб", ср. лай йу "рабыня", лолла "рабство". Ср. в дагестанских языках: авар., дид., дарг., лак. - лагь, лезг. - лукI и в абаз. языке - лыг. Являясь исконно вайнахским, это слово генетически близко другим иберийско-кавказским языкам.

Сюда же относятся и исконно вайнахские термины:

Салуо "высшее сословие князей", кьано "старейшина" /инг. кьоано/, хьала-хуо "богач, -ка", кьие-хуо "бедняк", белха-луо "труженик, -ца, работник, -ца" /инг.болх-луо/. Много социальных терминов, отражающих дифференциацию общества, относятся и к заимствованному слову.

П а ч ч а х ь "царь, король, государь, падишах", ср. араб., перс. падешахI "монарх, царь", турец. падишахI, кум. пача, карач. патчах, азерб. падшах, адыг. паччихь, лак. паччIахI.

П а ш а "паша", ср. перс., кум. паша, лак. пача.

С а р д а л "наместник" /акк. сердал/, ср. кум. сердал, азерб. сардал, турец. сардал, груз. сардали.

Х о н к а р "турецкий султан", ср. тюрк. хункяр, азерб. гуннкар, авар. гьункар, лак. хIункIар, а также заимствованное из персидского чечено-ингушское шахь "шах", "правитель Ирана".

ГIарбаш "рабыня, невольница", ср. турец. караваш "невольница, купленная служанка", азерб., кумык. кьараваш "рабыня", лез. кьаравуш "прислуга, горничная", авар. гьараваш "невольница, рабыня".

Я л - х у о "батрак, слуга", инг. "батрак", ср. тюрк. ялгы, кум. ялчы, полов. ялчи "работник, слуга".

К социальной терминологии относятся и следующие понятия, образующие два пласта лексики: исконный и заимствованный:

А з а т "освобождение от рабства"; б а к ъ у о "право"; в о т т а л а "отдача на процентных началах в приплод крупного рогатого скота" /инг. йоал, акк. ватт, чеб. вуотту/ ; г I е л у о "гнёт, насилие" /инг. гIелал/; дарие "управление, владение" /инг. доал, кист. дери, чеб. дарай/; м а ъ х ъ к а м "правление"; с а ц а м "постановление" /инг. соцам/; х а м т а л л а "ропот"; I а т к ъ а м "гнёт"; г I а т т а м - х у о "повстанец" и др.

Х ъ а ъ к а м "начальник, руководитель, -ица, -ница" /инг. хьаким/, ср. перс. хIаькаьм, араб. хьукамаат "утверждение, правление", перс. гьаким "владение", дарг. хIяким "должностное лицо", авар. хIаким, лак. хIукму "решение, постановление".

Т х ъ а м а д а "тамада, распорядитель, вождь" /инг. тхьамада/, ср. адыг. тхаматэ, груз. тамада//тавада.

М у л к "имущество, состояние", ср. араб. мулк "собственность, имущество", лак. мулк "имение", лезг. мулк "уголье", авар. милк "собственность, недвижимая собственность".

Я с а к х "ясак", ср. кум. ясакъ "подать", полов. ясах "налог, подать".

I а з а п "гнет, мучение" /инг. Iазап/, ср. араб., перс. аьзаб "мука, страдание, пытка", турец. азап, башк., татар. газаб, каб. гIэзаб//хьэзаб, авар. гIазаб, дарг. гIэзаб.

I е д а л "власть, закон" /инг. Iаьдал, кист. Iедил/, ср. араб. Iаьдал "справедливость, прямота", лак. аьдлу "правосудие" и др.

Следующие термины отражают основные требования правового института вайнахов.

Б а к х о "право", г I у д а "штраф" /инг. гIод/, к к е л "суд, приговор, судебное решение, судьба, удел, участь" /инг. кхи-елко "судья", бац. хелхелхой кIэли "рука, сила, власть"/.

К I а р л а г I а "позорная куча из камней" - пережиточный
обычай предания позору /акк. чIирбарз, кист. наьIалтбардз, итум.
кIологIа/.

К х е л а - х у о "народный судья" и т.д.

Классовую дифференциацию общества вайнахов отражают и соци-
альные термины, связанные с религиозными воззрениями. Существо-
вавшая синкретность в религиозных верованиях вайнахов вплоть до
второй половины XIX века подкрепляется тремя слоями религиозной
терминологии, сохранившимися в вайнахских языках. "Богатый архе-
ологический и этнографический материал позволяет нам говорить о
наличии в недалеком прошлом в Чечено-Ингушетии верований в раз-
личных духов - добрых и злых, существовании различных божеств
- предков /тотемов/ иногда в виде птиц и животных, различных
покровителей домашнего очага, покровителей охоты, урожая, метал-
лургии и т.д.", - пишет Е.И.Крупнов.²

Как известно, в своем развитии древнейшая религия вайнахов
прошла длительный исторический путь от тотемизма - наиболее древ-
ней формы религии до персонифицированных богов. Наличие следов
христианства вперемежку с древней религией вплоть до XIX века
говорит о стабильности последней, о существовании оформившегося
и довольно сложного пантеона языческих богов древних вайнахов.
Не говоря о христианской и мусульманской религии, явившейся
идеологией господствующего класса и служившей орудием для эксплу-
атации угнетенных слоев общества, уже языческая религия вайнахов
отражала в себе дифференциацию вайнахского общества, подразделяя
божества на главных и второстепенных патронов в языческом пантеоне
вайнахов, например: а/ главные божества: Д е л а // Д а ъ л а // Д а -

ли - древнейший главный бог нахского пантеона, Ц I у // Ц I у в // Ц I и у - один из главнейших основных богов вайнахов, С е л и // С т е л и // С я л и - бог грома и молнии, Т у ш о л и - богиня плодородия, деторождения, кумир женщин и др.; б/ второстепенные божества: Г у ш м а л и - один из богов, Е л т - покровитель хлебов, пищи, часто охотников, зверей, А р и е - А ь з н и - богиня долин, нив, Л а й - А ь з н и - богиня снегов, снегугочка, К и н ч - мать луны, Х и н - Н а н а - богиня вод, букв. "мать воды" и т. д.

Многочисленные святилища, посвященные вайнахским патронам, говорят о существовании и других божеств: П х ь а м а т - й е р д а , Б а и н - С е л и , Т у м г а - й е р д а , Д з а з о р - й е р д а , М я т - С е л и , М а ж - й е р д а , А л б и - й е р д а , С у с о н - Д е л а , С е л л и - Т х ь а и т.д.

В период укрепления мусульманства в лексике чеченцев и ингушей появляются социальные термины, образовавшиеся на базе заимствованных слов: И м а м "имам", "высшее духовное лицо", Н а и б "наиб", "помощник, заместитель начальника или духовного лица", ср. авар., лезг. наиб, лак. найп, н у ь х ь а р "нукер, помощник наива", м у р д "мюрид, последователь того или иного учения ислама", в е к а л "представитель, доверенное лицо", ср. араб. ваькил "помощник, агент, посланец", авар. векил "представитель", дарг. вакил "посол", т у р к х "гламатай", о ь з д а "узденъ, свободный крестьянин" /инг. эзди/, ср. дарг. узден "вольный крестьянин", авар. узденъ "независимый от феодала крестьянин", а заимствованное слово к ь е д а /инг. къаьда/ "духовный судья" отодвигает на задний план исконно вайнахское слово к х е л а - х у о "народный судья".

Установление в Чечено-Ингушетии царского управленческого аппарата приносит новые заимствования, вызывает возникновение

новых слов на базе чеченского и ингушского основного словарного фонда: п у р с т о п "пристав" /инг. пирстоп/, с у ъ д - х о "судья" /инг. суд-хо/, с у ъ д - э п с а р х о "судебный исполнитель", п и с а р "писарь", т е ш "свидетель на суде", т у т - м а к х "арестант, преступник", ср. кум. туснакъ // тутмакъ, каб. тутнакъ // тутмакъ "тюрьма", авар. туснахъ "арестант", к а н о "конвой" /инг. комбо/, и т а п "этап арестантов", г I а т т а м х о "повстанец".

Кроме того, в вайнахских языках и диалектах бытуют собственно-вайнахские и заимствованные социальные термины:

С о в д е г а р "торговец, коммерсант", ср. перс. саудагаър "купец, коммерсант", кум. совдугер, груз. совдагари, каб. сондэгъэр // сондэжар "спекулянт", лезг. савдагар, т а л м а ж "толмач, переводчик" /инг. талмач/, ср. араб. таърджамъа "перевод с одного языка на другой, биография", азерб. дилмач, тюркс. дилмач, каб. тэрмэж, лез. таржума, х а з а н ч а "казначей" /инг. казанча/, ср. тюр. казна "казна", х ъ а к а м "начальник" /инг. хъаьким/, ср. перс. хIаькаьм, араб. гъаким, дарг. хIяким, к ъ у "вор, -овка", о б у р г "абрек" /инг. эбарг/, ср. перс., турец. авара "бродяга", арм., авар., груз. авара, каб. абрег, балк. абрек и другие.

С появлением в Чечне тейповых распрей, стремлением одних тейпов к усилению экономической мощи за счет других, начинается процесс дифференциации внутри тайпа. В условиях стремления к обогащению за счет добычи, захвата земель, соседних тейпов, а затем и иноплеменных соседей, организуются военные дружины /чеч. гIейра, инг. гIаър; чеч. джIаки, инг. ординг/ сначала из представителей только одного тайпа, а затем в нападениях на соседние народы из разных тайпов. Эти военные дружины возглавляются избранными на время походов военачальниками. "Военачальник /бляча/ у чеченцев

так же, как и у ирокезов, мог быть и не членом тайпа, тогда как предводитель /хьалханча/ должен был быть обязательно членом тейпа. Лица духовного звания также не имели права занимать должность бяччи", - пишет М.Мамакаев.³

Анализ лингвистического материала дает нам основание полагать наличие у каждого вайнахского тайпа в далеком прошлом "воинского сословия".

Например, язык вайнахов сохранил названия племен, занимавшихся изготовлением оружия или охраной боевых башен: б I о в "боевая башня" б I о в л о й "башенники", т.е. стражники. В пользу этого мнения говорит и довольно значительная войсковая терминология вайнахов: т I о м "война" /тIо "камень, щепень" + м -словообразовательный суффикс/, т I е а м - л у о "боец, воин", б I о "войско" /инг. бIу/ и до него б I а - х у о "воин", до строительства же боевых башен в горах для обозначения понятия "войско" служило ныне забытое слово с у р "войско".⁴

Правда, эти представители племени, в силу довольно низкой экономики горского хозяйства, не способной поддерживать их материально, не были освобождены от физического труда и занимались им в мирное время наравне с членами своего общества.

Вайнахский фольклор говорит нам и о наличии подобной группы людей, правда, уже объединяющей представителей многих вайнахских племен и обществ, в позднее средневековье. Возглавляемые бьбьча/ми/ /инг. бьбьчий/ - т.е. вождями, военачальниками, избираемыми на время походов, такие отряды не только защищали вайнахов от соседних феодалов, но часто обогащались за счет грабежа соседей, возвращаясь из походов с богатой добычей /х I о н ц "трофей, военная добыча", инг. фос, ср. осет. фанс, авар. нанц, филойское посо "скот", "богатство"/.

"Преданиями о набегах полны чеченские и ингушские песни, в которых рассказывается о вождях /бяччи/, об их вооруженных дружинах, о захватах скота, имущества, пленных", - сказано в Очерках истории Чечено-Ингушской АССР /т. I, Грозный, 1967, с. 56/.

"Вожаки - бяччи, - пишет Х. Д. Ошаев, - совершали ответные набеги на владения феодалов соседних народов. В конечном счете разбои и набеги у этих вожаков превращались в профессию, что характеризует, по Энгельсу, возникновение "военной демократии". Являясь выходцами из патриархальной семейной общины, как защитники её, как защитники племени, "бяччи" - вожаки превращались в свою противоположность: в эксплуататоров племени".⁵

Социальная терминология вайнахов развивалась и обогащалась с развитием и углублением социально-классовой дифференциации, поэтому она является ценным источником для освещения истории чеченского и ингушского народов.

-
1. Дежериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. - Грозный, 1963. - С. 47.
 2. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. 358.
 3. Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. - Грозный, 1958. - С. 53.
 4. Ошаев Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. // Кавказский этнографический сборник. - Тбилиси, 1968.
 5. Ошаев Х. Д. Мотивы дружбы народов в чечено-ингушских исторических песнях // Известия СОНИИ. - Т. XXII. - Вып. 2. - Орджоникидзе, 1960.

Б.С.Арсемикова.

К МОДАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Побуждения, выражаемые формами повелительного наклонения в чеченском языке имеют различный характер - от приказа до совета, предложения, призыва, пожелания, просьбы, разрешения, поручения, мольбы и т.д. Если формы повелительного наклонения в русском языке характеризуются отсутствием единого материального признака, выражающего эти значения /Никитевич, 1963: 190/, то в чеченском и ингушском языках сами синтаксические глагольные формы повелительного наклонения способны выразить различные модальные и эмоциональные оттенки побуждения. Осознание значений этих форм, сферы и границ их употребления должно способствовать рациональному их использованию при переводах художественных произведений, публицистических текстов, в речевой практике и т.д.

Формы повелительного наклонения в той или иной мере отражены в работах исследователей чеченского языка, начиная с П.К.Услара и кончая всеми авторами школьных грамматик. Однако, эти авторы в основном затрагивают /соответственно целям своих работ/ наиболее общие черты повелительного наклонения, тогда как остаются не выявленными специфические особенности форм повелительного наклонения и зависимость модальных значений этих форм и контекста, хотя известно, что "вырванное из связи слово - мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более грамматических свойств" /Потебня, 1941: 175-176/. "Наклонение -

по определению В.В.Виноградова, - это грамматическая форма в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом". Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или воли говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи" /Виноградов, 1947: 581/. Именно при употреблении повелительного наклонения наиболее ярко проявляется возникновение модальных значений по заданию языкового общения. Назначение повелительного наклонения - выражать побуждение к совершению // несовершению действия, направленное на собеседника говорящего лица. Признак направленности воли говорящего на участника речевого акта характеризует соотносительность форм повелительного наклонения со значением 2-го лица. Говорящий, сообщая собеседнику свои мысли, при помощи 2-го лица повелительного наклонения побуждает его самого производить действие, названное глаголом в форме приказания, повеления, просьбы, совета, пожелания и т.д. или воздействовать на 3-е лицо, чтобы им было произведено то или иное действие:

ТIом - тIом бу - ловзар дац - барт ларбе, доттагIий. "Война есть война /букв. не есть игра/ - мир берегите, друзья". /Арсанукаев, 1973: 63/.

Хьажал карте тIе! "Посмотри-ка на карту!" /Яхъяев, 1977:3/.

Пурба ло суна хIара вовзийта. "Дайте мне возможность представить его" /Арсанов, 1963: 168/; Охьадилийта цуьнга и деза гали. "Позволь /ему/ положить этот тяжелый мешок" /Хамидов: 30/.

В повелительном наклонении чеченского языка модальные значения, возникающие в процессе языкового общения наиболее дифференцированы и выражены аффиксами: -л, -л-ахь, -л-аш, -ахья -ед. ч., -ийша -мн. ч.

Наличие ряда маркированных оттенков, по мнению Т.И.Дешериевой, даёт право рассматривать формы, выражающие различные оттенки повеления, как самостоятельные наклонения /Дешериева, 1979: 88/. Исходя из функционального сходства, все эти формы нами рассматриваются как формы одного наклонения, называемого традиционно повелительным. Данное наклонение, как и все "косвенные" наклонения, в чеченском языке квалифицируется как отнесение высказывания к сфере идеального, т.е. мысленного, желаемого, психологического.^х Объединение в качестве одного наклонения глаголов с разными формальными и семантическими характеристиками способствует и то, что в пределах повелительного наклонения выражение приказа, желания или просьбы зависит не только от того или иного аффикса, но и от контекста, от интонации, которая, как и в других языках, может варьировать от самого грозного приказа до самой кроткой просьбы - мольбы /Коркина, 1979: 139/, от того, различающего материальное тождество// не тождество глагольных форм /Гиреев, 1981: 8/.

Ввиду ограниченности объема нашей статьи, ниже анализируются лишь следующие формы повелительного наклонения, которые в зависимости от их лексического значения, от контекста, интонации могут выражать разные модальные значения и оттенки.

Простая повелительная форма глагола в выражении просьбы, призыва, приказа может быть охарактеризована как соответствующая повелительному наклонению в русском языке. Простая повелительная форма представляет собой одну из форм чеченского глагола.

^хСм. указ. сеч. А.А.Петебни: "Средство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что они в противоположность изъявительному выражают не действительное событие, а идеальное, т.е. представляемое существующим только в мысли говорящего", с.179.

Основа глагола выступает здесь в отношении своего окончания в неосложненном никакими аффиксами виде. Если не считать префиксов, выражающих грамматические классы, которые могут изменяться и в форме повелительного наклонения, то можно было бы сказать, что простое повелительное наклонение в чеченском языке представляет собой чистую глагольную основу. Однако, в практических грамматиках чеченского языка принято считать окончанием краткий гласный "а". Простая повелительная форма глагола в чеченском языке берется за основу при определении первоначального характера огласовки глагольного корня. Она в большинстве случаев совпадает с инфинитивом. Исключения составляют ряд односложных /иногда только с повелительным значением/ глаголов: дан "делать" - дие "делай", даха "пойти" - гIуо "иди", ган "видеть" - гуо "увидь", дан "прийти" - дуола "приди", дахьа - хьуо "нести - неси", Iан - Iие "находиться - находишь", дала - луо "дать - дай" и сложные или производные глаголы, включающие один из указанных односложных компонентов: латтадан - латтаде "держат - держи", дакьадан - дакьаде "сушить - суши", сацадалан - сацало "останавливаться - остановись", кьовсадалан - кьовсало "бороться - борись" и т.д. По-видимому, форма повелительного наклонения в данных парах представляет собой более древнюю форму инфинитива. Это подтверждается, например, функциональной общностью формы инфинитива и повелительного наклонения глаголов со значением "делать" и "покоиться" в ингушском языке /дие "делать", "делай", дагIа "покоиться", "не беспокойся" /т.е. "покойся"/ в отличие от чеченского языка. Эту форму в сравнении с другими специальными глагольными формами, выражающими побуждение, можно считать нейтральной в отношении выражения экспрессии:

Депутатам бахийта и вало! "Депутаты пусть пойдут его привезти" /Горький, 1959: 67/; Ханпаша, вало, пулемет дIанисье. "Хан-

паша, иди, установи пулемёт" /Хамидов, 1969: 164/. Простая повелительная форма глагола в сочетании с возвратным местоимением 2-го лица в дат.п. выражает разрешение, согласие с желанием того, к кому обращаются: Хинца гЮ хьайна профессор волчу! "Теперь иди /себе/ к профессору!" /букв. "профессор где есть"/.

Простая повелительная форма употребляется в формулах проклятий, пожеланий:

Ма диса вай, кIентий, безамах девлла! "Да не останемся мы, парни, лишившись любви" /Яхьяев, 1979: 16/; Со яла хьан делаI, сан жима Лом-Гела! "Да умри я вместо тебя, мой маленький Лом-Али!" /Арсанукаев, 1973: 57/.

Глагол доладада - "начать движение, поторапливаться" - имеет две формы простого повелительного наклонения - доладо /дуьйладо/ и дало /дуьло/, вторая из которых несколько обособилась не только формально /выпадение слога -ла/, но и по смыслу, т.к. часто по значению эквивалентна русскому глаголу "пойдем" со значением призыва /и готовности самого говорящего к осуществлению действия/. Это, пожалуй, единственная форма, выражающая соучастие говорящего лица в осуществлении глагольного действия:

ХIан, хIинца бегаш буьтур вай! Дуьло, хьо лачкьо веза, дика челахь а, атта дац иза. "Ну, оставим теперь шутки! Пойдемте, тебя необходимо спрятать....." /Горький: 241/. Дуьло, председатель а, секретарь а волчу! "Пойдемте и к председателю, и к секретарю!" /Бадуев: 98/.

При другой интонации, выражающейся в понижении тона и увеличении долготы конечного гласного простой повелительной формой передается вежливая просьба:

Баудди, дIавалохьа, юкьавала. "Бауддин, иди/же/, войди в круг" /Бадуев: 100/. Эта форма, вариативная по отношению к просительной-повелительной форме на -хьа и малоупотребительная

в письменной речи, является результатом редукции конечного слога формы на -хъа /вадахъа - вад̄а/.

Просительно-повелительная форма выражает в чеченском языке в основном просьбу в вежливой форме. На русский язык эта форма переводится только описательно. Модальный оттенок вежливой просьбы в формах повелительного наклонения русского языка может быть передан путем добавления частицы - же, или других, употребляемых при вежливой просьбе слов /пожалуйста, ну, же/. Просительно-повелительное наклонение имеет в чеченском языке изменение по лицам в тех пределах, в каких это изменение вообще доступно и русскому языку. Оно имеет формы второго лица единственного числа и множественного числа. Образуются формы путем присоединения окончаний -хъа в единственном числе и -ша - во множественном числе: алахъа "скажи ты", алийша "скажите вы". Данные формы характеризуют возникновение в чеченском языке личных окончаний, которые вообще чеченскому спряжению не свойственны.

Несомненно, что окончание второго лица ед.числа -хъа происходит от корня личного местоимения второго лица ед.числа - хъо /ты/, а окончание второго лица мн.числа -ша происходит от личного местоимения второго лица мн.числа - шу /вы/. Основой вопросительно-повелительного наклонения является инфинитив. На это указывает сохранение в конце этой основы и перед личным окончанием того носового оттенка краткого гласного, который представляет собой в произношении характерное отличие чеченских инфинитивных форм от форм простого повелительного наклонения: ала "скажи" /простое повелительное наклонение/ - ала/н/ хъа "скажи же", ала/н/ ша - "скажите же", ала/н/ - "сказать". Нами в примерах обозначается носовой оттенок предшествующего краткого гласного с помощью буквы н, заключаемой в скобки, т.к. в современном

чеченском языке этот носовой оттенок не обозначается:

Довзалан окъара гулакх дийцахъа, нана. "Расскажи, мама, о семейных взаимоотношениях" /Горький: 110/.

Поручительно-повелительная форма выражает в чеченском языке такое побуждение, которое может быть выполнено спустя некоторое время в отсутствии говорящего лица. Значение этой формы в русском языке передается тоже лишь описательно, возможны два значения. Одно значение может быть передано путем добавления слов "потом, в моем отсутствии": адалахъ - "скажи непременно /потом, в мое отсутствие/", второе значение допускает присутствие и поручителя и исполнителя. Образуется эта форма от простой повелительной формы с помощью аффиксов - л-ахъ, л-аш. Данная форма, как и просительно-повелительная форма имеет изменение по лицам. Второе лицо ед. числа здесь выражается флексией -хъ /-ахъ/ в ед.ч., мн.ч. - -ш/-аш/. Происхождение этих окончаний от соответственных личных местоимений хьо - "ты", шу - "вы" не вызывает сомнений /ср. формы активного падежа от этих же местоимений: ахъ, ахъа - "ты", аш, аша - "вы"/. Хотя значение этой формы всеми наховедами определяется как выражение вежливого побуждения к осуществлению действия, практический материал чеченского языка убеждает в том, что использование этой формы, во-первых, придает побуждениям большую настоятельность и что выполнение действия не оставляется говорящим на усмотрение собеседника: Новкъарло ма елахъ цунна. "Смотри, не мешай ему /букв. помех не делай ему/" /Горький:136/; Варийлахъ, дIалолахъ! "Смотри только, передай!" /Горький: 85/; Со чехкъалийталаш! "Мне пройти дайте!" /Горький, 68/; Схъакхехъ-алахъ, схъакхехъа'- аьлла, сихъелла хъавзира нана. "Давай носи, носи,- сказав, заторопилась мать" /Горький: 82/.

В различных контекстах эта форма может выражать значения экстренности, опасности, предостережения: Ларлолахъ, Ханпашина

хаахь, цо лазорий хьо "Берегись, если Ханпаша узнает может ранить тебя" /Хамидов: 7/; Нагахь кху ТIамехь сан валар хилахь, хаалахь, хьан а, вайн халкьан а сайх баккха бехи ас буйтург цахилар "Если придется в этой войне мне умереть, знай /же/ ни тебе, ни народу не придется меня упрекнуть" /Хамидов: 33/.

Безотлагательно-повелительная форма, модальным маркером которого выступает аффикс -л, выражает такое повеление, осуществление которого должно начаться тотчас же, т.е. не должно следовать за каким-либо другим событием. В русском языке данное модальное значение передается также описательно, путем добавления в повелительной форме слов "немедленно, сейчас же": Охьахаал хьо, нана... "Садись-ка, мама..." /Горький: 15/; Юхяхьовсал, хIунду шуна гобаккхина гонахдерг,- кхидIа а дуйцура Радькос "Оглянитесь, что /есть/ вокруг вас,- продолжал рассказывать Радько" /Арсанов: 267/.

Отыфinitивная форма на -л может иметь оттенок позволения со стороны говорящего, что находит выражение в интонации произнесения этой формы. Так, если побуждение к исполнению воли говорящего передается произношением первого гласного данной глагольной формы в более низком тоне, то позволение на исполнение воли или желания второго или третьего лица передается путем произнесения этого гласного в более высоком тоне: Хьажал цуьнга "Посмотри на него" /Горький: 25/; Дийцал, Ханпаша "Говори, Ханпаша" /Хамидов: 170/.

Осуществление глагольного действия в формах повелительного наклонения мыслится в плане будущего времени, хотя повелительное наклонение в выражении времени считается последовательно вневременной категорией. В чеченском языке в зависимости от того, с каким моментом времени связывается осуществление глагольного действия, относительно которого выражается побуждение: а/ с мо-

ментом времени, непосредственно следующим за моментом речи или же б/ с моментом, отдаленным от момента речи временной неограниченностью - формы повелительного наклонения чеченского языка могут быть разделены на две группы:

1. Модальные значения первой группы выражают такое побуждение, когда глагольное действие должно быть осуществлено в присутствии побудителя. Думается, что передаваемые формами значения дают право называть эту форму существующим в лингвистике термином - повелительной формы очевидности /Липеровский: 132/. Аффиксы данной группы следующие: -а, -ал, -хьа, -ийша, -аш.

Жимма ладогIал соьга "Немного послушай-ка меня" /Хамидов: 132/; Лампанаш кхана ян алийша "Лампы завтра принести скажите-ка" /Хамидов: 20/; Тiоьрмиг соьга схьа а лой, хIоккхуза тIулга тIе охьалахлохьа "Сумку мне отдав, сюда на камень присядь-ка" /Хамидов: 152/; Хьажалаш, шун "бндачунна" цо хIума тухуш!" "Посмотри-те, как он вашего "силача" побьет!" /Арсанов: 244/.

2. Формы второй группы выражают такое побуждение, когда глагольное действие может быть реализовано в отсутствие говорящего лица, и являются, соответственно, повелительными формами неочевидности. Аффиксы этой группы следующие: -л, -аш, -л -ахь, -йла.

Павел Михайлович хьайна гича, соьгара маршалла лолахь цуьнга! "Если увидишь Павла Михайловича, передай ему привет от меня" /Горький: 85/; КьынтIера валалахь суна "Прости меня" /Хамидов: 172/; Ларлолахь царех "Остерегайся их" /Хамидов: 197/; Кирхьа дIа а теттина, нускалан мара а иккхина, йистхилира црхьа йоккха стаг: "Дукха ехалда хьо, сан хьоме кIорни! Гайтал суна хьо... гайтал" "Отодвинув занавес, обняв невесту, старушка заговорила: "Да живи ты долго, дорогая моя! Покажи-ка мне себя... покажи-ка!" /Арсанов: 114/; Дукхавехийла, могаш лелийла иза кьехойн ирсана,

нийсонан дубхъа! "Пусть живет долго и здравствует он на счастье бедноты, справедливости ради!" /Муталибов З. "Чевнаш йирзина йо-гIу", с.24/.

Все специальные формы глагола, служащие для выражения приказания, просьбы, желания с различными оттенками этих основных значений в повелительном наклонении объединяются по единому морфологическому признаку - выражению отрицания посредством частицы "ма", в противоположность употреблению отрицательной частицы "ца" во всех других наклонениях:

Нехан хъавди тIехъ дин а ма барстабе, бепаху новкъахъ куралла а ма лелае "Не вскорми коня в чужом стойле, в пути долгом не зазнавайся /не высокомерь/" /Нохчийн фольклор, I т.: 187/; Варий йоI, ма гIолахъ поэте маре. Ма теша поэтах, дийцарх цо говза "Не выходи, смотри, девушка, замуж за поэта. Не верь поэту, как бы умело он ни говорил" /Арсанукаев: 37/; Ахъ собар делахъ, йоха ма йохалахъ. ОьгIаз ма гIолахъ "Ты подожди, не теряйся. Не сердись" /Горький: 22/.

Отынфинитивная форма глагола "хъажа" - "смотреть" с аффиксом -л в некоторых контекстах лишается своего прямого значения, как и в русском языке, и передает удивление или возмущение говорящего, сближаясь в этом отношении с междометиями: Хъажал, Паша, баккхий нах а бевли хьох дагабовла эха "Смотри, Паша, и старики стали ходить к тебе советоваться" /Горький: 64/; Хъажал цуьнга! - иккхира ненан дагахъ, и хьостуш цаI ала дагадеара цунна "Посмотри на него! - воскликнуло в душе матери и захотелось сказать ему что-нибудь ласковое" /Горький: 25/.

Рассматриваемая форма глагола может быть отнесена лишь ко второму лицу, поэтому ею никогда не выражается желание или пожелание. Отрицание при ней всегда выражается частицей "ма": Ма дийцал хъаштдоцург, бакъ хир дац иза! "Не говори глупостей, это

неправдоподобно /невозможно/" /Арсанов: 212/.

Если в предложении выражено побуждение к двум или более действиям, хронологически следующим одно за другим, предшествующее действие обозначается отыгнфинитивной формой на -ий, без афф. -л : И хъайн къайлаха шед а бастиий, цхъа-ши туьма ахча лол соьга, ваха везаш ву со "Раскрой /букв. раскрыв/ этот свой тайный узелок и дай мне одну-две десятки, я должен идти" /Хамидов: 34/; Схъанехье валий, охъахаал, Сутарби "Пойди /букв. пройдя/ сюда и садись, Сутарби" /Хамидов: 49/.

Одной из особенностей этой формы является то, что в зависимости от интонации она может выражать значение категорического отказа выполнить то или иное действие: Г'ур вац, къор'анора, со-м' Вахийтал! "Не пойду, клянусь, я! Пусть заставят пойти!" /Хамидов: 32/.

Следует особо отметить, что многочисленные глагольные формы, которые в чеченском языке традиционно называются формами повелительного наклонения, выражают побудительную модальность, а повеление - лишь как частное значение входит в семантическое поле модальности.

-
1. Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. - Грозный, 1969.
 2. Виноградов В.В. Русский язык /грамматическое учение о слове/. - М.: Учпедгиз, 1947. - С.581.
 3. Гиреев В.Ю. О синтаксических функциях некоторых отглагольных форм чеченского языка //Вопросы вайнахского синтаксиса. - Грозный, 1981. - С.8.
 4. Дешериева Т.И. Исследование видо-временной системы в нахских языках. - М.: Наука, 1979.

5. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. - Грозный, 1963.
6. Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках //Известия ЧИНИИИЯЛ. - Т.2. - Грозный, 1961.
7. Липеровский В.П. Категория наклонения в современном литературном хинди. - М.: Наука, 1964.
8. Магомедов А.А. К вопросу о местоименных флексиях в повелительном наклонении чеченского глагола / Институт истории, языка и литературы имени Г.Цадасы //Учен. записки. Серия филологическая. - Т.ХУ. - Махачкала, 1965.
9. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. - М.: Наука, 1970.
10. Никитевич В.И. Грамматические категории в современном русском языке. - М.: Учпедгиз, 1963.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - М.: Изд-во АН СССР, 1941. - Т.4.
12. Арсанов С. Маца девза доттагГалла. - Грозный, 1963.
13. Арсанукаев Ш. Сийна некъаш. - Грозный, 1973.
14. Бадугев С. Хаържинарш. - Грозный, 1976. - Т.1.
15. Горький М. Нана: перевод на чеч. язык Ведзижевой Б. - Нохч-ГалгГайн книжни издательство, 1959.
16. Мамакаев М. Революцин мурд. - Грозный, 1962.
17. Хамидов I. Лийрбоцуруш. - Грозный, 1969.
18. Хамидов I. Бож-Гела. - Грозный, 1967.
19. Яхъяев Л. Дахаран аматаш. - Грозный, 1979.

Т.М.Вагапова.

ОБРАЗОВАНИЕ ОТЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение вопросов словообразования и выяснение внутренних законов развития языка, действующих в области словообразования, в настоящее время приобретает особую остроту и актуальность.

Числительные всегда использовались и используются для развития и обогащения любого языка, в том числе и чеченского, что определяет их важную роль в языке.

Весьма существенную роль играют числительные в пополнении других частей речи.

Определенный интерес вызывают числительные, которые могут употребляться с поясняющими словами, нумеративами:

а/ корта "голова" /когда речь идет о живых и неживых существах/;

Пхийтта уьстагI бу сан "Пятнадцать баранов у меня";

Пхийтта корта /уьстагI/ бу "Пятнадцать голов /баранов/";

Корта "голова" употребляется для обозначения головки лука, чеснока и т.д.

б/ орам "корень" зуба, дерева, слова;

Шм орам дIабаккхина сан "У меня удалили два корня"; И дош

шина орамах льятташ ду "Это слово состоит из двух корней"

и т.д.

Интересно отметить нумеративы, которые могут обозначать меру длины и веса:

Ша - расстояние между растянутыми большим пальцем и мизинцем;
ши ша "два таких расстояния"; гIулч "шаг"; сахь - торговая мера

зерна, восемь килограммов; гирда - примерно двенадцать килограммов, старинная чеченская мера сыпучих тел; мазал - мера сыпучих тел, равная двум гирдам, следовательно, цхъа мазал хъаьжгаш "один мазал кукурузы" равен двадцати четырем килограммам; герка - 400 г., следовательно, 2,5 герка "один килограмм"; пунт - фунт равно шестнадцати килограммам; чептар - 1/4 фунта, т.е. 4 кг.; чаккхарма "верста"; аьрша "аршин" - устаревшее; чийрик - 1/4 часа, т.е. 15 мин., - устаревшее.

При счете денег употребительны слова: шай "пять копеек", ши шай "десять копеек", сом "рубель", ворхI сом "семь рублей", туйма "десять рублей", эппаз "двадцать копеек", но параллельно употребляется словосочетание дий шай "двадцать копеек".

Числительные широко представлены в различных сочетаниях. С числительными образован ряд устойчивых словосочетаний: ворхI цIока яккха "сдирать семь шкур", шен пхи пIелг санна "как свои пять пальцев", шина дагахь хила "иметь два мнения", шина бIаьрган юкъ "переносица", "между двух глаз".

Числительные входят в состав знаменательных исторических дат: Декъала хуьлда Хьалхара май! "Да здравствует Первое мая!" Декъала хуьлда Дуьненаюкьара зударийн де - БархIалгIа март! "Да здравствует Международный женский день 8 марта!" Декъала хуьлда ЦIечу Эскаран а, ХIорда ТIеман флотан а де - ткъе кхоалгIа февраль! "Да здравствует день Красной Армии и Военно-Морского флота 23 февраля!" /4/. Аса декъалво хьо дезчу денца - ВорхIалгIачу ноябрьца. "Я поздравляю тебя с праздником - Седьмое ноября". Все эти числительные порядковые и выступают в функции определения.

Широко представлены числительные в топонимических образованиях: Шина Iина юкъе "между двумя пропастями", "между ущелье"; Ши кхор болу шовда "Две груши имеющий родник"; Кхойтта чурт долу кешнаш "Тринадцать памятников имеющее кладбище".

Числительные входят в состав названий населенных пунктов: ШинарегГан юкь "Алханчуртская долина". Образовано следующим образом: числительное шить "два" в косвенном падеже шина + существительное рагІ "хребет" в родительном падеже регГан + существительное юкь "середина". Аналогично образовано: Шинасуйран юкь "Село Пригородное" /7, II, III/.

Числительные встречаются и в названиях растений: кхотІа /I/ "клевер", "люцерна", "трехлапка". Образовано данное существительное следующим образом: количественное числительное в зависимой форме кхо "три" + "Іа "лапа".

Большую роль играют числительные в образовании отчислительных слов. Словарный фонд пополняется существительными, прилагательными, наречиями, глагольными формами. Основные способы пополнения словарного состава с мотивирующей основой - числительное: словосложение, суффиксация. В последнее время основным путем образования отчислительных слов стало словосложение. Рассмотрим модели словосложения.

I модель: числительное ах "половина" + существительное; образуются существительные: ахдош - полслова, ахго - полукруг, ахГулч - полшага, ахбарам - полмеры, ахнекъ - полпути, ахГала - полгорода, ахмах - полцены, ахчаккхарма - полверсты и т.д.

При употреблении во множественном числе форму множественности имеет лишь вторая часть.

При склонении первый компонент принимает форму косвенных падежей, а второй склоняется как обычные существительные.

Церниг дожар - ахнекъ - полпути - имен.п.

Доланиг дожар - эханекъан - полпути - род.п.

Лург дожар - эханекъана - полпути - дат.п.

Дийриг дожар - эханекъо - полпути - эрг.п.

Кобьчалниг дожар - эханекъаца - полпути - орудно-союз.п.

Хотталург дожар - эханекъах - полпути - веществ.п.

Меттигниг дожар - эханекъе - полпути - мест.п.

Дустург дожар - эханекъал - полпути - сравн.п.

Числительное ах "половина" не употребляется самостоятельно, не сочетаясь с именем.

Особенно большую группу составляют сложные прилагательные с первым компонентом - числительным.

II модель: количественное числительное цхъаь "один" в косвенном падеже^I + существительное в родительном падеже: цхъанацIеран - одноименный, цхъанаэшаран - однозвучный, равномерный, цхъанадийнан - однодневный, цхъанатайпанан - однообразный, цхъаназаманан - одновременный и т.д.

III модель: количественное числительное шгъь "два" в косвенном падеже + существительное: шинадекъан - двудольный, шинаметтиган - двуместный, шинакоган - двуногий, шинакоьртан - двуглавый, шинабесан - двуцветный и т.д.

Аналогичные прилагательные образуются по этой же модели, первым компонентом могут быть числительные кхуоь "три", диь "четыре", пхиь "пять" и т.д.: кхаабесан - трехцветный, деадийнан - четырехдневный, пхеаметтиган - пятиместный.

IV модель: числительное "цхъаь" в косвенном падеже + существительное образуются наречия: цхъанабертахь - единогласно, единомушно; цхъанаэшарехь - однообразно, однозвучно; цхъанахеннахь -

^IЧислительные имеют зависимую и независимую формы. Зависимые числительные употребляются с существительными. Независимые - самостоятельно. Зависимые /имеются в виду количественные/ от одного до пяти имеют двухпадежную систему склонения: в именительном падеже одна основа, в косвенных падежах - другая: им.п.-цхъа "один", ши "два", кхуо "три", диь "четыре", пхи "пять"; косв.п. - цхъана, шина, кхаа, деа, пхеа.

одновременно, цхьаназамманчохь - одновременно.

Некоторые отчислительные слова, принадлежащие к той или иной части речи, различаются лишь синтаксически, по выполняемой функции. Например: Цхьабосса кхо зезаг даьккхира аса "Одинаковых три цветка сорвал я". Цхьабосса - прилагательное, выполняет функцию определения. Цхьабосса дуьйцура шимма а кIанта "Одинаково рассказывали оба мальчика". Цхьабосса - наречие, выступает в роли обстоятельства образа действия.

У модель: зависимое количественное числительное цхьаь "один" в именительном падеже + существительное + причастная форма дерг "имеющий"/Б,В,Й/: цхьааздерг - однозвучный, цхьабартберг - единоголасный, цхьабосберг - одноцветный. Образованные слова являются независимыми, самостоятельными причастиями.

По этой же модели образуются и зависимые, несамостоятельные причастия, если вместо самостоятельной причастной формы употребить несамостоятельную причастную форму долу /болу, волу, йолу/: цхьааздолу "один звук имеющий" - однозвучный, цхьабартболу "одно согласие имеющий" - единоголасный.

УI модель: числительное цхьа "один" + существительное + деепричастная форма долуш /б, в, й/, образуются деепричастия: цхьабартболуш - единоголасно /числ. цхьа "один" + сущ. барт "согласие" + деепричастная форма болуш "имея"/; цхьааздолуш - однозвучный /числ. цхьа "один" + существ. аз "звук" + деепричастная форма долуш "имея"/.

УII модель: числительное исс "девять" + существ. ког "нога" + причастная форма берг "имеющий". Например: искогберг "рак" - существительное. С первым компонентом числительным "исс" образовано существительное "искаьртиг" - часть желудка жвачных животных. Вторая часть "каьртиг" произошла от "киртиг" - доля, слой.

Суффиксальный способ является одним из активных способов образования отчислительных слов.

По модели числительное + аффикс образуется большое количество слов.

Числительное + суффикс ра. Данным способом образуются существительные: шинара "вторник", "теленок двухгодовалый" /числительное ший "два" в косвенном падеже шина + суффикс ра/; кхаара "среда" /числительное кхоь "три" в косвенном падеже кхаа + суффикс ра/; аналогично образовано слово еара "четверг" /числительное дий "четыре" в косвенном падеже еа + суффикс ра/.

Следует отметить, что со словами, образованными аналогичным способом /числительное + суффикс ра/ при определении возраста по минимальному количеству лет употребляется причастная форма яьлла "вышедшая из" /ваьлла, яьлла, даьлла/.¹ Речь идет о разумных существах /мужчины, женщины/ и о живых неразумных существах. Например: пхийттара яьлла йоI /букв. "из пятнадцатилетия вышедшая девушка"/, берхIиттара яьлла йоI "восемнадцатилетняя девушка", иттара яьлла йоI "десятилетняя девочка" и т.д. Образованные слова являются прилагательными. Дехачу гIанта тIехь Iаш яра иттара яьлла йоI /Х.Ошаев/ "На длинной скамейке сидела десятилетняя девочка". БерхIиттара яьлла йолучу шина йоIан мел хир ду вовшашка дийца дезаш хабарш! /Х.Ошаев/ "Как много могут рассказать друг другу восемнадцатилетние девушки". Пхийттара яьлла, хазалла

¹ Так как причастная форма является классной, в зависимости от существительного, с которым сочетается, классный показатель будет меняться. Если речь идет о возрасте мужчин: ваьлла "вышедший", женщин: аьлла "вышедшая из". Нужно отметить, что при определении возраста до пяти лет обычно данную модель не употребляют. В чеченском языке издревле выделялись основные три возрастные группы: ворхIара ваьлла "вышедший из семилетнего возраста", пхийттара ваьлла "вышедший из пятнадцатилетнего возраста", шовзткъара ваьлла "вышедший из сорокалетнего возраста".

таелла, гГарьялла кхиънера и жима ва Зайнап /н.ф. т.П, с.197/
"Пятнадцать исполнившая, известная красотой выросла эта маленькая Зайнап".

Когда речь идет о возрасте мужчин, причастная форма будет ваьлла "вышедший из": шийттара ваьлла кІант "двенадцатилетний мальчик", пхийттара ваьлла кІант "пятнадцатилетний мальчик", берхІиттара ваьлла кІант "восемнадцатилетний парень".

Гуттаренна а берхІиттара ваьлла висира иза /З.Муталибов/
"Он навсегда остался восемнадцатилетним".

Следует отметить, что при подобных образованиях опущено существительное ша "год", его значение заключено в самом прилагательном, и нет необходимости в его употреблении.

При указании точного возраста независимо от количества лет как людей, так и животных, в основном, употребляется сочетание: количественное числительное + существительное ша "год" + причастие в прошедшем времени кхавчна "которому исполнилось" или причастная форма долу "имеющий" /б, в, я/.

Употребительны две формы. Например: ялх шо кхавчна бер// ялх шо долу бер "шестилетний ребенок", ши шо кхавчна бер // ши шо долу бер "двухлетний ребенок", пхи шо долу етт // пхи шо кхавчна етт "пятилетняя корова".

Имеется еще один способ указания возраста по максимальному количеству лет - по модели количественное числительное в им.п. + существительное шо "год" в местном падеже шаре + несамостоятельная причастная форма ваьлла /й, б, д/ "вступивший в": итт шаре ваьлла кІант "вступивший в десятилетний возраст мальчик", пхийтта шаре яьлла йоІ "вступившая в пятнадцатилетие девушка" и т.д.

Модель: числительное + формант л + формант ха : шалха

"вдвойне, двойной" /ша - ши "два" + формант л направительного падежа + ха формант вещественного падежа /8: I77/. Аналогично образованы слова кхолха "второе", "вторине", "тройной"; деалха "вчетверо", "в четыре слоя"; пхеалха "впятеро", "в пять слоев" и т.д.

Приведенные слова могут выступать в качестве одного из компонентов сложных слов, сочетаясь с глагольной формой: шалхадетта "складывать вдвое", шалхадилла "сложить вдвое", кхолхатоха "сложить второе", легко сочетаются с существительными: шалха кьамел "двойственный разговор", шалха шад "двойной узел", шалха муш "двойная веревка", шалха аьзнаш "двойные согласные", кхолха раманах "тройные рамы", цхьалха кIади "одинарная ткань".

В предложении выступают как в определительной, так и в обстоятельственной функции. Деалха а диллина, парти кIел дIалацIкыйна Iуьлу газета схьайцира Родионовс /М.Мамакаев/ "Родионов взял четверо сложенную и спрятанную под парту газету".

Анализируемые слова могут быть прилагательными или наречиями: шалха тай "двойная нить" - прилагательное, шалха дуьйцура, шалха висира - наречие.

Модель: числительное + формант л + суффикс ко: цхьалхо "ясность", "однозначность", шалхо "двойственность", кхолхо "тройственность". Образованные слова являются существительными и имеют множественное число: цхьалхо - цхьалхонаш, шалхо - шалхонаш, кхолхо - кхолхонаш.

Модель: числительное + формант л + формант го: цхьалго "однорожковые вилы", шалго "двухрожковые вилы", кхолго "трехрожковые вилы", кхолго "тройчатка" /сук, разветвляющийся на три отростка/.

Приведенные слова сочетаются с существительными: цхьатго некъ "одноколейная дорога", шалго кьамкьарг "бронхи", кхолгонах

ловзар - вид детской игры /где трехростковые чурки выбиваются палкой, броском/ и т.д.

Модель: числительное + суффикс ча. Малочисленную группу составляют существительные, образованные данным способом: шича "двородный брат или сестра" /числительное ши "два" + суффикс ча/, ялханча "шестерка" /числ. ялх "шесть" + суффикс ча/. Аналогично образованы ворхІанча "семерка", бархІанча "восьмерка", иссанча "девятка", иттанча "десятка" - названия игральные карт.¹

Модель: числительное + форманты местных падежей. В роли словообразовательных аффиксов выступают форманты местных падежей -хъа, -хъара, -хъахула. Последний присоединяется к основе косвенных падежей независимо от количественного числительного. Цхъаъ "один", цхъанхъа "в одно место", цхъанхъара "с одного места", цхъанхъахула "через одно место". Шъь "два", шинхъа "в два места // в двух местах", шинхъара "из двух мест", шинхъахула "через два места".²

Кхъь "три"- кхаанхъа, кхаанхъара, кхаанхъахула "через три места". Дъь "четыре" - деанхъа, деанхъара, деанхъахула "через четыре места". Пхъь "пять" - пхеанхъа, пхеанхъара, пхеанхъахула "через пять мест". Итт "десять" - иттанхъа, иттанхъара, иттанхъахула "через десять мест".

От всех количественных числительных можно образовать подобные слова, являющиеся наречиями и выступающие в функции обстоятельства места. Кхаанхъа доьГІна дитташ дара "С трех сторон были посажены деревья".

Можно отметить ряд слов, образованных непродуктивными суффиксами: -кха, -ла, -лла:

¹Названия игральные карт образуются и словосложением: ворхІбІаьрг "семерка"/досл.семь+глаз/, иссбІаьрг "девятка"/числ. исс + суц. бІаьрг "глаз"/ и т.д.

²Аналогично переводятся и другие слова.

кхокха "баран в возрасте от двух до трех лет"/числит. кхо "три" в косв.п. + аффикс кха/, шала "двойняшки, близнецы" /ши - ша "два" + суффикс ла/, цхьалла "одиночество" /числ. цхьа "один" в косв.п. + суффикс лла/.

Рассмотрев отдельные случаи образования отчислительных слов и словосочетаний, приходим к выводу, что числительные, не образуясь от других частей речи, активно участвуют в именных, глагольных образованиях.

Наиболее распространенный способ образования новых слов с числительными - суффиксация, словосложение.

Во всех отчислительных словах и словосочетаниях числительные являются первым компонентом. Продуктивно образуются новые слова с числительными первого десятка.

Заслуживают особого внимания и могут быть предметом исследования довольно многочисленные устойчивые словосочетания с числительными, среди которых имеются и фразеологические сращения, единства.

-
1. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. - Махачкала, 1975.
 2. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Вопросы языкознания. - 1951. - № 2.
 3. Виноградов В.В. Русский язык. - М.-Л., 1947.
 4. Карасаев А.Т. Структурные типы фразеологических единиц чеченского языка; Классификация фразеологических единиц чеченского языка по их семантическим признакам // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. - Грозный, 1975.

5. Мадиев А.Г. Чеченско-русский словарь. - Грозный, 1961.
6. Супрун А. Слова с корнями числительных в современном русском языке //Автореферат. - Фрунзе, 1955.
7. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. - Ч.Ш. - Грозный, 1980. Его же: Топонимия Чечено-Ингушетии. - Ч.П. - 1978.
8. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. - Ч.І. - Грозный, 1968.
9. Чокаев К.З. Словообразование имен существительных в чеченском языке //Известия ЧИНИИЯЛ. - Т.ІV. - Языкознание. -
10. Чавчавадзе Т. Именное словосложение в новоперсидском языке. - Мецниереба, 1981.

В.Ю.Гиреев.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

О самостоятельной форме причастия Н.Ф.Яковлев сообщает только самые скудные сведения: она "употребляется в качестве самостоятельного члена предложения /т.е. субстантивно/" /с.22/ в отличие от несамостоятельной, которая "может употребляться лишь в качестве определения при определяемом /т.е. атрибутивно/ /с.221/. Приводятся образцы склонения, а также изменения по временам. Однако, каждое из этих сведений требует уточнения и дополнения.

Самостоятельные причастия /с зависимыми словами или без них/, употребляясь, как и придаточные предложения или полупредикативные обороты чеченского языка, "в качестве самостоятельного члена предложения", не монофункциональны: вместе с наличными или восстановленными зависимыми словами они как бы являются членом простого предложения, но внутри предикативного оборота, наличного или возможного вокруг них, они выполняют функцию сказуемого. Об этом свидетельствует и то, что с зависимыми словами у них те же отношения, что и у глагола /вопросы, формы зависимых слов, характер согласования/, не говоря уже о том, что в иных случаях их падежеобразная форма не определяется падежным вопросом. Ср.: Тхьбга вогIург суна вевзаш вара, но XIуъа а дийр дара аса, хьо тхьбга вогIург. К причастному обороту с вогIург в первом предложении может быть поставлен падежный вопрос мила?, во втором - лишь обстоятельный стенан духьа?

Кроме того, если обычно, т.е. в предложениях первого типа, причастие как бы "вбирает" в себя объект или субъект, то в предложениях второго типа субъектно-объектное представительство полное.

Ясно, что в предложениях второго типа употребление самостоятельных причастий несубстантивно, а утверждение Н.Ф.Яковлева о их функции в предложении, по меньшей мере, неполно. Субстантивная же их квалификация в предложениях первого типа возможна при расширительном понимании члена предложения, допускающем его распространенность по принципам, отличным от применяемых к обычному члену предложения. Однако, такие принципы, насколько нам известно, ни обоснованы, ни сформулированы не были.

Образуются самостоятельные причастия от соответствующих временных форм несамостоятельных путем прибавления суффикса -рг//-риг:

1/ самостоятельные причастия прошедшего времени: вахана - вахана-рг, сецна - сецна-рг, дешна - дешна-рг;

2/ самостоятельные причастия настоящего времени: вьоду - вьоду-рг, соцу - соцу-рг, доьшу - доьшу-рг;

3/ самостоятельные причастия будущего времени: глон волу - глонверг, соцу волу - соцуверг, доьшу долу - доьшудерг.

Лишь при образовании самостоятельной формы настоящего времени от причастия долу "являющийся" происходят дополнительные звуковые преобразования /чередования корневого гласного, выпадение звуков/ : долу - де-рг. Это явление, как показывают вышеприведенные примеры, находит отражение при образовании самостоятельных причастий будущего времени от соответствующих несамостоятельных причастий, которые будучи аналитическими, включают элемент долу.

Суффикс -риг как вариант -рг не соответствует орфоэпическим нормам современного литературного языка, однако, в словах, производящие основы которых оканчиваются на долгий гласный, гласный и в составе суффикса, как правило, сохраняется. Это искусственно создает позицию открытого слога для yo и тем самым свидетельствует о долготе данного гласного /I/. В устной речи иногда отмечается выпадение г из состава суффикса /2/:

1/. Ша арабаьккхина некъ а , хИнца кхара лелориг а шерра хьалха хЮвттича, обгІаз а вахана, доггах шед туьйхира цо /ГЛ/ "Когда он увидел несоответствие того, что они делали, с целью его путешествия, он, разозлившись, сильно стегнул плетью";

2/. ЭхI, хІетахь лайнар! /ГЛ/ "О, что тогда было испытано!"

Вариативную форму самостоятельного причастия с -р в исходе не следует путать с первым компонентом аналитической формы глагола будущего времени, которая включает самостоятельное причастие настоящего времени, только здесь выпадение г в литературном чеченском языке, в отличие от ингушского и некоторых диалектов, обязательно: доьшур ду < доьшу-рг ду. Однако, если в составе аналитической формы глагола оказывается два самостоятельных причастия /что возможно при модальном значении предположительности/, г выпадает лишь во втором компоненте /хирг/. Например: И хан хирг хир ю-кх хІара тІекхаьчнарг /ГЛ/ "Наверно, это время наступило".

Многие самостоятельные причастия образованы от несамостоятельных причастий с производной основой. Приведем примеры с различными временными формами самостоятельных причастий.

Прошедшее время: ХІан, хІинца дийцал айхьа деанарг /ГЛ/ "Ну, рассказывай теперь, с чем пришел"; Сийсара веанарг Аьлтамар ца хилла /ГЛ/ "Приходивший вчера вечером, оказывается, был не Алтамар"; ДоьгІнарг дийр ду /ГЛ/ "Что суждено, то сделаем".

Настоящее время: Сирачу говрахь верг юккъехь вара /ГЛ/ "Восседавший на серой лошади был посредине"; Цхьаболчарна ца хайити-ча ца долу ахь бохург а /ГЛ/ "И то, что ты говоришь, обязательно нужно сообщить некоторым лицам"; Мила ву хьо, сел сихвелла волжур? /ГЛ/ "Кто ты, спешащий до такой степени?".

Будущее время: И далудерг ду /ГЛ/ "Это возможное"; Хьанна хаба тIаккха хиндерг /ГЛ/ "Кто знает, что тогда будет".

Соответствующим же образом образуются самостоятельные причастия и от несамостоятельных причастий с производной или сложной основой.

Со сложными причастиями: Шена дагатеснарг айттехьа а дита оьшущ ца хилар хааделира цунна оцу дешнашкахь /ГЛ/ "Из этих слов он понял, что не следует даже допускать зародившиеся у него мысли"; Шен садуург хьахо, дагавала цхьа а воцущ, Ахьмадах жима велахь а, шех санна, бIобулуш дуьйцура Романа дерриге а /ГЛ/ "Так как ему не с кем было поделиться тем, что его тревожило, Роман рассказал Ахмаду все, надеясь на него, как на самого себя"; ДагадогIург дерриге а дикачу агIор бен дацара /ГЛ/ "Все, что помнилось, было только хорошее".

С причастиями, образованными при помощи приставок: Важа ша мужха хиллехь а хIара, хьалхалаьттарг цуьнан да ву-кх, кIанта бохург ца тан а там бу кхунна аьлла, юкъавуьйлира Роман /ГЛ/ "Роман вмешался, подумав, что, каков бы ни был тот, но этот-то, стоящий перед ними, отец его; ему может не понравиться то, что говорит мальчик".

Указанные разновидности причастий могут быть осложнены суффиксами с модальными и залогово-словообразовательными значениями: Бак ду сайна хааделларг хьалхке хьох ца тохарна бехке ву со /ГЛ/ "Правда, я виноват в том, что не сообщил тебе раньше то, что мне

стало известно"; Хьозас, тоххара кетлахь шавьшинна юккъехь таса-делларг а доьхкуш, говр юххе а тесна, Ахмадан букгахь шед туьйхи-ра /ГЛ/ "Мстя за то, что давно произошло между ними на улице, Хо-за поравнял с ним лошадь и стегнул Ахмада плетью по спине"; Юрт шена дубхьяляьккхинарг со лорура цо /ГЛ/ "Он видел во мне того, кто восстановил село против него"; ХЮораннан хЮинца сатедийриг йокъа хЮоттарх кхера цаэшар дара /ГЛ/ "Что каждого теперь успокаивало, это то, что не нужно бояться засухи".

Как явствует из сказанного, самостоятельные причастия имеют три временные формы. При этом форма будущего времени, как и во всей временной системе глагола, аналитична. Формы, подобные им, самостоятельные причастие, как и все глагольные разновидности при дифференциации ими активности/пассивности субъекта, образует и с другими временными значениями. Ср.: доьшуш /дешна, доьшун, дешний/, хияларг /верг, хуьлург, хин верг/. Но в них первым компонентом является несамостоятельная форма причастия, которая совместно со связкой, уточняя до некоторой степени временное значение, преимущественно служит выражению аспектуального значения фазы действия или состояния: Вайх хЮорамма а лелощдерг дайх дисина латта ду /ГЛ/ "Каждый из нас пользуется землей, унаследованной от отца"; Къахьогуш болчарна цхьанна а ца веца иза /паччахь - В.Г./, шен цЮий муьйлучу кыйзоргал балха /ГЛ/ "Каждый трудящийся ненавидит его /царя/ пуще клопа, пьющего его кровь".

При образовании формы числа самостоятельного причастия падежным аффиксом оказывается не только -ш мн. числа, но и -г единственного, так как последний является членом оппозиции -ш - -г: лавттар-г - лавттар-ш, гур-г - гур-ш и пр.

Для выяснения вопроса о том, с которым из субъектно-объектных членов оборота, употребленного с ним, самостоятельное причастие

согласуется в классе и числе, важно учитывать следующее обстоятельство. Название характеризуемой самостоятельным причастием реалии, как правило, в предложении отсутствует: здесь важно только то, что подразумеваемая реалия имеет данную характеристику, т.е. это "вещь", "нечто", характеризуемое действием или состоянием по данному причастию. Однако, в предложениях квалифицирующего типа с самостоятельным причастием в субъектной или объектной функции родовое название этой реалии появляется в составе сказуемого: Ас йоьшург книга ю. Поэтому такие предложения удобны для выявления согласовательных связей самостоятельного причастия.

Форма самостоятельного причастия от переходного классного глагола* /независимо от обозначаемого времени/ своим классным показателем согласуется с именем - объектом действия, а числовым аффиксом - с именем, характеризуемым членом ситуации /субъектом/. В нижеприведенных примерах первая связь обозначена прямой чертой, вторая - волнистой:

1. Книга йоьшурш бераш ду

2. Цара йоьшурш романаш ю

Как видно из второго примера, если характеризуемым оказывается объект действия, самостоятельное причастие согласуется с ним и в классе, и в числе.

Самостоятельное же причастие от непереходного глагола согласуется и в классе, и в числе с субъектом /1/, который при характеризующем типе предложений оказывается отсутствующим характеризуемым именем /2/:

1. Дю воьдург к^лант ву

2. Дю воьдург суна вевзаш ву

* Переходными в этом смысле следует считать все глаголы, субъект которых в синтетических формах не находит выражения в форме им. п. Им. падежом здесь выражен так называемый прямой объект.

Таким образом, в классе самостоятельное причастие, как и любая глагольная форма, согласуется с именем в именительном падеже, независимо от его субъектно-объектного значения и наличия/отсутствия в данном предложении, а в числе - с характеризуемым именем - участником ситуации /т.е. субъектом причастия/, которое, как правило, опускается. Ср. примеры:

1. Бакъдерг ала деза, полкехь цхъанакхеттарш майра кІентий бара /ГЛ/ "Нужно правду сказать, в полку собрались мужественные ребята /досл. ... в полку собравшиеся были мужественные ребята/".

2. Дагаловцура дІадаьларш, хилларш, амма юккье доьлла хІу-ма цхъанна а дага ца деара, хилла а дацара /ГЛ/ "Вспоминали все, что случилось, что было, но никто не вспомнил конфликта, его и не было".

3. Цуьнан коьртехь берш тІом дІабахъарехъа бу /ГЛ/ "Те, кто во главе, за продолжение войны".

4. Цхъаберш хабарш дуьйцуш боьлура, вуьш шайн цхъаца дезарш деш бара /ГЛ/ "Некоторые разговаривали и смеялись, другие были заняты различными заботами".

5. Цул тІаьхъа дийцаре даьхнарш кхин кыйсамаш ца хуьлуш чекх-девлера /ГЛ/ "Все вопросы, которые обсуждались дальше, были решены без особых споров".

Только в первом из приведенных примеров названа характеризующая реалья /кІентий/.

Субстантивированное причастие, как известно, изменяется и по падежам, что многим исследователям дает основание рассматривать его как разновидность субстантивированных существительных. Однако, в склонении самостоятельных причастий безусловно субстантивированных /типа простых луйттург "шумовка", кьовзорг "клоп", а также сложных типа босбуург, чимтосург/, с одной стороны, и

обычных, несубстантивированных/типа лутьтург "процеживающий", кьовзорг "щиплющий"/, с другой, отмечаются заметные расхождения во всех косвенных падежах. Сравним:

субстантивированное самостоятельное причастие	несубстантивированное самостоятельное причастие
<u>ед. число</u>	
И. лутьтург	лутьтург
Р. лутьтурган	лутьтучун
Д. лутьтургана	лутьтучунна
Э. лутьтурго	лутьтучо
См. лутьтургаца	лутьтучуьнца
В. лутьтургах	лутьтучух
Ср. лутьтургал	лутьтучул
М. лутьтурге	лутьту-че/-чуьнга
производные формы м.п.	
лутьтургера	лутьтучуьнгара
лутьтургахья	лутьтучуьнгахья
лутьтургахьяра	лутьтучуьнгахьяра
и пр.	и пр.
<u>мн. число</u>	
И. лутьтургаш	лутьтурш
Р. лутьтургийн	лутьтучийн
Д. лутьтургашна	лутьтучушна
и пр.	и пр.

Как видно из схемы, основное различие склонения субстантивированных и несубстантивированных самостоятельных причастий состоит в том, что первые, как и всякое существительное, сохраняют в обоих числах конечные согласные слова по форме им.п. ед.ч.,

в косвенных же падежах самостоятельных причастий /несубстантивированных/, как и во всех самостоятельных формах определительных слов, аффикс им. падежа ед. числа самостоятельной формы /-рг, -риг, -ниг/ переходит в ч, причем конечный г в данных аффиксах может рассматриваться как числовой, противостоящий ш или ий форм множественного числа. Ниже приводятся примеры употребления самостоятельных причастий в некоторых падежных формах обоих чисел, кроме форм им.п., которые давались выше.

1. Бакхийчу нахехула шаш дIахьондолчун ойланаш а яра дагахь кхобуш /ГЛ/ "Вынашивали мысли о том, что они будут осуществлять с помощью стариков".

2. Ас жимма ойланаш йийр ю, новкъа валале дан дезачун /ГЛ/ "Я немного подумал о том, что необходимо сделать перед дорогой".

3. Делахь а, даго ца витира хьалха аьллачунна тIера вала /ГЛ/ "Но самолюбие не позволило отступить от того, что было сказано".

4. Моьттур дара цуьнга ладобгIначунна, воцуш ца торчу хьеше и лубйш ву /ГЛ/ "Услышавший подумал бы, что он говорит с желанным гостем".

5. Ша санна волчунна тIенисвелла хила там бу /ГЛ/ "Возможно, наткнулся на такого же, как он сам".

6. Хьозас диначо цкъа цецваькхира Ахмад, юха кхерийра /ГЛ/ "Поступок Хозы сперва удивил Ахмада, потом напугал".

7. Берриш а дIатийра, хезначо цецбаьхна /ГЛ/ "Все притихли, ошарашенные услышанным".

8. Ша лехачуьнга кхавчна иза /ГЛ/ "Он достиг того, к чему стремился".

9. Кхеравеллачу Молла-Исраила шеггара кхоьллина дийцинчух тийшира Хьумид /ГЛ/ "Хумид поверил тому, что Мулла-Исраил рассказывал, сочиняя от себя".

10. Цунделла дара Муса-Хъаьжа хІинца Хъумида аьллачух ца-вашар /ГЛ/ "Поэтому не верил Муса-Хаджи тому, что Хумид сейчас рассказывал".

11. Хьоза, шена хиллачух ца кхуьуш, хьовъжура /ГЛ/ "Хоза смотрел, не понимая того, что сним случилось".

12. Дуккха а долчух кхетийна цо со /ГЛ/ "Он мне многое разъяснил".

В приведенных предложениях самостоятельные причастия выражены в формах следующих падежей: родительного /дІахьондолчун, дезачун/, дательного /ладобгІначунна, волчунна/, дательного послеложного /аьллачунна тІера/, эргативного /диначо, хезначо/, местного основного /леххацуьнга/, вещественного /дийцинчух, аьллачух, хиллачух, долчух/.

С различной степенью активности употребительны и другие падежные формы самостоятельного причастия. При этом не всегда самостоятельное причастие образует самостоятельную семантическую единицу. См., например, пятое предложение, где волчунна может значить только "являющемуся", "сущему", в то время как в сочетании с санна "как" оно обозначает "подобному". Обозначение подобия и есть в данном случае необходимая семантическая единица. Функции же слова верг здесь подобны функциям вспомогательного глагола в составном именном сказуемом: оно здесь несет значение настоящего времени предиката, характеризующего опущенное имя существительное, относящееся к классу ву. Таковы же причастия в I и 3 примерах из нижеприведенных примеров, иллюстрирующих употребление в косвенных падежах самостоятельных причастий множественного числа.

1. Къахьобгуш болчарна цхьанна а ца вега иза, шен цІий муьІлучу ктійзоргал башха /ГЛ/ "Трудящиеся его любят не более, чем клопа, пьющего их кровь".

2. Оцу Иван Ивановича довха хи а латтадора Султанна, цу

хьелашкахуьггаре тоьлла лоруш йолчех кург а лора /ГЛ/ "Этот Иван Иванович обеспечивал Султана горячей водой и давал ему еду, которая по тем условиям считалась самой лучшей".

3. Хьумидан бахамех цо мел дечел догдогуш цо дийриг гов-
раш хитIа йигар дара /ГЛ/ "Из всего, что он исполнял в хозяйст-
ве Хумида, охотнее он водил лошадей на водопой".

В примерах представлены дательный /1/, эргативный /2/, срав-
нительный /3/ падежи самостоятельных причастий множественного
числа.

Здесь следует ввести следующий, насколько нам известно, не
отмечавшийся наховедами факт из области нахского склонения вооб-
ще и склонения чеченских самостоятельных причастий в частности.

Формы местного падежа самостоятельного причастия, как и у
других склоняемых слов /за исключением масдара/, имеют две серии
форм, одна из которых /с -ча/-чу в исходе/ имеет обстоятельст-
венное значение места, другая /с -чуьнга в исходе/ - субъектно-
объектное. Серия падежных форм с местным значением, в отличие
от другой, не имеет числовых оппозиций. Серия форм с субъектно-
объектным значением имеет варианты в обоих числах. Ср.:

со значением места с субъектно-объектным значением

ед.ч.

мн.ч.

1. доьшуча	доьшучуьнга/ доьшуче	доьшучаьрга/ доьшучушка
2. доьшуча-ра	доьшучуьнга-ра/ доьшуче-ра	доьшучаьрга-ра/ доьшучушка-ра
3. доьшуча-хула	доьшучуьнга-хула/ доьшуче-хула	доьшучаьрга-хула/ доьшучушка-хула
4. доьшуча-хьахула	доьшучуьнга-хьахула/ доьшуче-хьахула	доьшучаьрга-хьахула/ доьшучушка-хьахула
5. доьшуча-лц	доьшучуьнга-лц/ доьшуче-лц	доьшучаьрга-лц/ доьшучушка-лц

Из приведенных вариативных форм предпочтительны первые: в формах ед.ч. из-за их большей дифференцированности от форм со значением места, в формах мн.ч. из-за неблагозвучия -чушка, хотя здесь сохраняется аффикс мн.ч. -ш. Однако, и вторые варианты в литературных текстах иногда употребляются. Особенно характерно употребление форм с -чушка для текстов 20-30-х годов. См., например: Вординех цхьайолчушна тӀехь ялтех дувзна дуйла хууш галеш гора /С.Бадиев. Абу./ "На некоторых подводах были видны мешки, которые явно были наполнены зерном".

Ниже даются примеры с самостоятельными причастиями со значением места. Формы местного падежа названы по терминологии Н. Б. Яковлева.

Форма пребывания:

Ша лавттахохь охьалахвелира Юсуп хӀара сахьт кӀанта дагахь латториг хиларх тешна /ГЛ/ "Юсуп присел на месте, веря, что его сын запомнит этот час"; Хи доццохь дахар хила тарлуш цахиларх массо а кхета /ЛН-ІЗ/ "Все понимают, что там, где нет воды, не может быть жизни"; Оцу хенахь некъо гола тухучохь, лома тӀехьара схьалилхара береш /ГЛ/ "В это время из-за поворота дороги выскочили всадники".

Форма движения:

Хьумид волчу тохара Аьлтамар лаца веанчу эпсаран говр ю-кх /ГЛ/ "Это лошадь офицера, который приходил тогда к Хумиду, чтобы арестовать Алтамара"; Мекхаш дерг эпсарш болчу чувигара /ГЛ/ "Усатого ввели туда, где были офицеры".

Форма исхода:

Со Гийначара хаам кхачьчна "Получена весть из тех мест, где я жил"; Катоххий болх бе ахь, - элира Хьозас, кхийсалучуьра*

* Значение прерванного действия образуется в сочетании данной формы с глаголом саца "остановиться".

хИнца саца а согуш /ГЛ/ "Быстреей работай,- сказал Хоца, переставая теперь дрожать".

Форма движения через:

Тарх текхна лам болчухула хьалаваьлча, Аьлтамар волу меттиг хуур ю, аьллера Султана /ГЛ/ "Султан говорил, что если взойти там, где находится вершина с оползшей скалой, можно найти Алтамара"; Говр юкхе а таИйна, серло гуш ков хийра долчухула дIавистхилира бере, чоГIа мохь тоха а ца хIуттуш /ГЛ/ "Подъехав к месту, где пробивался свет через неплотно прикрытые ворота, всадник позвал, не решаясь громко кричать"; Некъо голатухучухула схьаиккхира ши кIант /ГЛ/ "Двое мальчиков выскочили из-за поворота"; Суо лела-чухула и вишвелла вац со /ГЛ/ "Я нигде его не забываю".

Обычно удвоение корневого согласного или усиление корневого гласного /при стечении некоторых согласных/ какой-либо падежной формы самостоятельного причастия способствует усилению значения данной падежной формы, внося в нее значение "именно", "заодно". Например: Тезетара воггIучура схьавирзира со-м /ГЛ/ "Я сюда завернул возвращаясь с тазита /заодно/". Однако, в ряде случаев формы с удвоенным согласным приобретают и иные значения временного характера. Например:

Форма исхода со значением "пока ...":

Тахана хьумид цIахь воцчуьра хIусамнене Маржане дехар дан сацыйра Ахьмада, буйьса яккха цIа вахийтахьара, аьлла /ГЛ/ "Сегодня, пока нет дома Хумида, Ахмад решил просить его жену Маржан отпустить его домой переночевать"; Цел етташ вара Юсуп, шельеллачуьра кхин жимма асар а дина, цIа гIур ву ша, бохуш /ГЛ/ "Юсуп мотыжил землю, рассчитывая пойти домой, пополов еще немного, пока прохладно"; Цхьа а воцчуьра, - дIасахьаьжира Хуьмид /ГЛ/ "Пока нет никого, - оглянулся Хумид".

форма пребывания со значением фиксированного действия /при управляющем глаголе дуса "остаться"/, а без усиления корневого звука - со значением "не до ..." * /при управляющем глаголе ца хила "не быть"/:

Бага хъавссинчошь бисира /ГЛ/ "Остались /пребывали/ удивленные"; Ткъа х'инца долчу х'локху хъелашкахъ уьш лоручошь дацара /ГЛ/ "При создавшихся обстоятельствах было не до того, чтобы считаться с этим"; Цуьна ойла ечохъ вацара /ГЛ/ "Ему было не до того, чтобы думать об этом".

Самостоятельные причастия образуют и форму, названную Н.Ф.Яковлевым производной формой вещественного падежа. Однако, хотя данная форма образуется путем присоединения аффикса а к форме вещественного падежа, здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с образованием наречий со значением "по-...-цки/-ски" от существительных. В области самостоятельных причастий по той же словообразовательной модели образуются производные со значением "как будто". Например:

Вен башха ца хетацуха элира цо /ГЛ/ "Он сказал как будто безразлично"; Х'инца а ша дийриг, Юсупана гергахъ, делан дубхъа дечуха реза хилира иза /ГЛ/ "И сейчас, при Юсупе, он согласился как будто он делает это ради бога"; Церга, лазош, балда а лъцна, охъатаьтира иза, неIармачин бахтар тадечуха /ГЛ/ "Он нагнулся, прикусив губу до боли, как будто завязывал ремешок горского чувяка"; Ойланаш ечуха кIеззиг хан ялийтира Молла-Исраила /ГЛ/ "Молла Израил чуть помедлил, как будто задумавшись".

Кроме того, несубъектно-объектно может употребляться самостоятельная форма им.п. причастия с целевым значением "ради того, чтоб ...":

* Данное значение у формы пребывания возникает без усиления корневого звука.

1/ Цкъа даймахке бѣарг тухург, хѣара берриг бала шена тѣезца резахиллера и;

2/ Дукха хѣума лурдолуш вара иза, цкъа хин кѣурд шега бойтург.

В целевых оборотах указанная форма по числам и падежам не изменяется. Эти формы, по-видимому, являются результатом эллипсиса вспомогательной части управляющих аналитических глагольных форм будущего времени масдара или инфинитива цели. Ср.: кѣурд бойтург хилан, бѣарг тухург хилархъама - где налицо самостоятельная форма причастия, согласуемая с субъектом в числе.

При усилении корневого звука в этих формах обороты с ними приобретают значение степени. Определяемое при этом может быть и пропущено, как в 4-м из нижеследующих примеров.

1/ Хѣарааѣлла тѣех хѣйкѣина даккхий кенаш долуш ца хиллехъ а, тоъбарг дика кхѣнѣра уш кху шара /ГЛ/ "Хотя и не было очень больших початков, достаточно хорошо уродилась она /кукуруза/ в этом году".

2/ Цул тѣехъа, адам дѣасадахале, Хѣумида, массарна а хеззарг бохург санна, чѣогѣа элира /ГЛ/ "После этого, прежде чем люди разошлись, Хумид громко сказал, почти так, чтоб все слышали".

3/ Эрна хан йойуш дукха ма латталахъ цигахъ, - элира цо, кетѣарчарна ца хеззарг, меллаша /ГЛ/ "Не стой там долго, напрасно теряя время, - сказал он тихо, так, чтоб не слышали те, что стояли на дороге".

4/ Массарна а хеззарг, аре екош, барт беттара цо шен кѣанта-на /ГЛ/ "Он ругал сына, оглашая поле так, чтоб все слышали".

Все указанные формы имеют только одну форму числа - единственного.

Оборот с самостоятельным причастием может выполнять и опре-

делительную функцию: тебаьхкинчийн кIант, вольхучун аз, тоьл-
лачех кург, вахочех малар. Употребляется он в таком случае пре-
позитивно, не обособляется. Согласование ни в классе, ни в числе
не обязательно, так как данным причастием характеризуется мно-
жество или целое, по отношению к которому определяемое является
частью, т.е. существительное определяется как часть характеризи-
руемой самостоятельным причастием реалии, название которой не при-
водится.

При всех допустимых падежных формах здесь отмечается эллип-
сис непосредственного определения : тоьллачех /долу/ даар, те-
баьхкин-чийн /чу нехан/ кIант, веллачунна /ден/ доIа. При косвен-
ных падежах определяемого существительного эллиптированная часть
обычно восстанавливается: тоьллачех долчу дааро вузийна.

Иногда оборот с самостоятельным причастием /всегда постпози-
тивный/ имеет уточняющее значение:

Мила ву хьо, сел сихвелла воллург? /ГЛ/ "Кто ты, столь то-
ропящийся?"

Вопреки приведенному написанию, в таких случаях обособле-
ние необходимо.

Самостоятельное причастие воцург соответствует русскому
"кроме":

- Со воцург кхин мила Аьлтамар хаавелла хьуна?- элира вук-
хо духаьл /ГЛ/ "Какого Алтамара ты обнаружил кроме меня?- спро-
сил другой".

Компаративные формы самостоятельного причастия. В области
самостоятельных причастий также отмечается несколько парадигм:
сопоставительные или соизмерительные /охург - охучул, охучун -
охучунчул, охучунна - охучунначул, охучо - охучочул и т.д./;
уподобительные /оххучул, оххучулчу/. От последней образуется

своя, самостоятельная форма уподобительного компаратива /оххучулниг, оххучулчун, оххучунначул, оххучочул и т.д./. Уподобительно-сопоставительная форма компаратива от самостоятельных причастий не образуется, по-видимому, из-за неблагозвучия образующихся здесь аффиксальных нагромождений типа -чулчунначул, -чулчунчул, -чулчочул и т.п.

Все приведенные формы компаратива различают число наличного или подразумеваемого /в самостоятельных формах/ определяемого /оххучул - оххучел/-чарел, оххучул - оххучел/-чарел, оххучулниг - оххучулниш/, а также субъекта или прямого объекта по производящей основе глагольного слова, если она классная.

Падежная форма отпричастного компаратива зависит от падежной формы подразумеваемого характеризуемого по производящей основе компаратива, т.е. самостоятельному причастию, субъектно-объектного члена ситуации по финитной форме глагола. Например:

Хилларг дера ду, иза вай сийсара т'аьхьадевллачул а боьха стаг хилар /ГЛ/ "Все дело в том, что он более отвратительный человек, чем тот, которого мы вчера вечером преследовали".

Ср: т'аьхьадевлларг /им.п./ боьха стаг вара и
т'аьхьадевллачул а /им.п./ боьха ву.

См. еще примеры с сопоставительным компаративом:

1/ Хезначунначул /д.п./ дика хаьа гиначунна "Видевший знает лучше, чем слышавший".

2/ Диначочул /эрг.п./ дукха дуйцу вьстах лавттинчо "Стоявший в стороне, говорит больше того, кто действовал".

Данная разновидность компаратива не вступает в прямую связь с глаголом; их связь опосредуется наречием или качественным прилагательным-наречием. Если в качестве связующего звена выступает

тIаьхьа "после" или хьалха "раньше", то возможны два типа отношений: обычный, когда падежная форма компаратива определяется значением основного глагола /Декъачарел тIаьхьа тIеда дечигаш а техкира цIерга "После сухих и сырые дрова положили в огонь"/, а тIаьхьа, хьалха обозначает очередность; и тип, в котором тIаьхьа как бы примыкает по смыслу к компаративу, в результате чего образуется СШ расчлененного типа, в котором придаточное обозначает действие, предшествовавшее главному. Ни падежные формы, ни формы числа субъектно-объектного члена сказуемого главного предложения здесь невозможны.

Говр йигначул тIаьхьа, гIораш духкуш ца хуьлу /посл./
"После того, как увели лошадь, запоры не закладывают".

Такие смысловые отношения складываются лишь в конструкциях с компаративом, образованным от самостоятельного причастия прошедшего времени.

С формой компаратива, образованного от причастия настоящего времени, СШ расчлененного типа образуется без всяких связующих элементов. Данная форма также не имеет других форм падежа и числа, а общее её значение "чем делать что-либо".

1/ Эрнa галдетташ лелацул, хьайн болх бинехь "Чем понапрасну бродить, выполнял бы свою работу".

2/ Нехан айпаш лехьочул, хьайга хьажа "Чем подмечать чужие недостатки, на себя посмотри".

Несамостоятельная уподобительная форма компаратива во всех трех временных формах употребляется в значении сказуемого придаточного предложения степени.

1/ Ахьа бепиг дьIьначул туьха дьIьна ас "Я столько соли съел, сколько ты съел хлеба".

2/ Воккхачо юььучул хIума а юуш стаг ву хьо "Ты уже мужчи-

на и ешь столько же, сколько взрослых”.

Однако, ввиду монофункциональности данной компаративной формы, придаточные предложения с ней не обособляются.

Обороты с самостоятельной формой сопоставительного компаратива полупредикативны.

Цхъана кІанта тІулг схъайцира. Цо эщачулниг цуьнан на-кьосто а ийцира.

Конструкция с сопоставительной формой компаратива от самостоятельного причастия с послелогом, имеющим временное значение /тІаьхъа "после", хьалха "раньше"/ принимает общее временное значение. Действие главного ориентируется по отношению к действию в данной форме причастия:

1/ ХІума йиьначул тІаьхъа, нанас мотт а биллина, юх-юххе охъавижира ши ваша, Гелина наб кхетталц туьйранаш дийцира Ахьма-да /ГЛ/ "После того, как покушали, мать постелила, и два брата легли рядом, Ахмад рассказывал сказки, пока Али не заснул”.

2/ Амма дукха хан ца елира, шен чу ваханчул тІаьхъа, юха уча а иккхина, Хьумида мохъ тоха /ГЛ/ "Однако, не потребовалось много времени, чтобы Хумид, после того как он зашел, снова выско-чил на веранду и крикнул”.

3/ Царна хІоранна тІе а воьдуш, леррана хъаьжначул тІаь-хъа, Хьумида чувигира берех коьртаниг /ГЛ/ "После того, как, подходя вплотную, он осмотрел каждого, Хумид пригласил в дом главного из всадников”.

4/ Могаш-паргіат хьаттинчул тІаьхъа, меллаша элира цо ... /ГЛ/ "После того, как расспросил о житье-бытье, он тихо сказал..”

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

В морфологическом отношении самостоятельное причастие явля-ется носителем как смысловых категорий, так и согласовательных.

Смысловыми категориями самостоятельного причастия являются собственное число /лаьттарг "стоящий", лаьттарш "стоящие"/, падеж /лаьттарг, лаьттачун, лаьттачунна, лаьттачо и т.д./, время /лаьттарг, лаьттинарг, лаьтта верг/ и явление, условно названное нами категорией усиления /леларг, лелларг, леллачухула, лел-леллачухула, леллачухула/.

Согласовательными его категориями являются класс и число "вбираемого" самостоятельным причастием члена ситуации.

Следует различать "собственное" число самостоятельного причастия, под которым подразумевается число члена предикативной синтагмы, по отношению к которой самостоятельное причастие является субъектом или объектом /доьлхург бер ду, но доьлхурш бераш ду/ и число "вбираемого" члена ситуации, под которым подразумевается число субъектно-объектного члена предикативной или полупредикативной синтагмы, по отношению к которой данное самостоятельное причастие является сказуемым /и велхориг бала бу, но уш бехориг бала бу/.

С "вобранным" же членом ситуации самостоятельное причастие согласуется и в классе /см. вышеприведенный пример/.

Смысловые категории самостоятельного причастия экстравертивные, имеют преимущественно внешнюю направленность, т.е. зависят от смысла предложения в целом, в то время как согласовательные категории интравертивны, направлены во внутрь, т.е. самостоятельное причастие согласуется лишь с членами оборота с ним или придаточного предложения, в котором оно выполняет функцию сказуемого.

Согласовательные категории самостоятельного причастия /класс и число "вобранного" члена ситуации/ могут быть реализованы лишь в классных причастиях, смысловые категории реализуются регулярно.

Во временной парадигме самостоятельного причастия отмечаются не только собственно временные формы, но и формы, условно назван-

ные нами фазово-временными, которые, будучи аналитичными, состоят из фазового компонента, выражаемого несамостоятельной или стяженной формой причастия и временного связочного элемента, выражаемого самостоятельным причастием. Путем сочетания различных временных форм указанных компонентов в этой области образуется более 15 форм /дольшу дерг, дешна дерг, дольшуш дерг, дешна хин дерг и т.д./.

Число самостоятельного причастия как смысловая категория выражается аффиксально: -рг//-риг в ед.числе и -рш// -риш во множественном.

Формы косвенных падежей самостоятельное причастие, в отличие от несамостоятельного, образует при помощи дифференцированных аффиксов. В области местных падежей оно образует две серии падежей: субъектно-объектные /дольшучуынга, дольшучуынгара, дольшучуынгахула и т.д./ и обстоятельственные /дольшуча, дольшучара, дольшучахула и т.д./.

Тот факт, что самостоятельное причастие не является субстантивированной формой глагола, лишней раз подтверждается и различием в изменении по падежам субстантивированных и несубстантивированных его форм: если субстантивированные формы сохраняют в косвенных падежах аффиксальное -рг /луйттург "цедилка", луйттурган, луйттургана и т.д./, то в косвенных падежах несубстантивированных форм -рг переходит в ч /луйттург "цедящий", луйттучун, луйттучунна и т.д./.

Как и все типы причастия, самостоятельное причастие образует усиленные формы с различными добавочными значениями. В области субъектно-объектной серии падежей представлена лишь одна усиленная форма - выделительная /йольшург, йольшучун, йольшучунна и т.д./. В области обстоятельственной серии - 3 типа

усиления: 1/ выделительный /леллачухула/, 2/ дистрибутивный /лел-леллачухула/, 3/ ограничительный /леллачухула/.

Самостоятельные причастия в формах субъектно-объектной серии падежей обычно выполняют субъектно-объектную функцию по отношению к основному сказуемому и в этой функции полупредикативны, так как в оборотах с ними не может быть представлен вбираемый причастием член этого оборота. Например, Луйшверг сецира "Говоривший умолк". Это предложение отражает ситуацию, в которой некое лицо /мужчина, женщина, мальчик и пр./ говорило и умолкло.

Однако, когда данные формы употреблены в конструкциях с целевым значением "ради", самостоятельное причастие сохраняет все валентные свойства глагола, т.е. в таких конструкциях могут быть представлены все члены ситуации по самостоятельному причастию. Например, Хьо тхо долча воГург, хЛуьа а дийр дара аса "Я бы сделал, что угодно, ради того, чтоб ты пришел к нам". Здесь самостоятельное причастие предикативно и является сказуемым придаточного предложения.

Полный состав субъектно-объектных членов имеют и формы местных падежей обстоятельственной серии. Например, Цуьнан да-нана дехачара кабар кхечира "Поступила весть оттуда, где жили его родители". Однако, данное утверждение, как мы понимаем, спорно, так как даже для субстантива не установлено, являются ли субъектно-объектными членами предложения данные падежные формы. Но этот вопрос выходит за рамки данной работы.

Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. - Грозный, 1960.

ЛН - "Ленинан некъ" - газета на чеченском языке /номера за 1984г./.

ГЛ - ГайсултановУ. Ламнашна майранаш беа. - Грозный, 1979.

СБ - Бадугев С. Хавржинарш. - Т. I. - Грозный, 1975.

Мальсагов А.У., Кодзоева Л.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

В ингушской учебно-педагогической терминологии имеются различные наслоения: слова исконного происхождения, заимствования из восточных языков /арабизмы, персизмы, тюркизмы и др./, заимствования из русского языка и международная терминология. Но главным источником пополнения ингушской учебно-педагогической терминологии является русский язык, который и сам постоянно развивается и изменяется. В этом плане особый интерес представляют особенности образования терминологии в ингушском языке на основе русских заимствований.

Как отмечено в специальной литературе, "русские заимствования советского периода в ингушском языке выражают разнообразные понятия и являются наиболее многочисленными и в семантическом отношении самыми разнообразными. Прежде всего это общественно-политические, культурно-просветительные, научно-технические, философские и другие термины, проникающие через школу, прессу, театр, радио, телевидение, кино, устную речь и т.д."^I

На основе анализа собранных нами терминов, относящихся к учебно-педагогической терминологической системе ингушского языка, целесообразным представляется выделение следующих способов образования терминов данной системы:

I. Словосложение /или основосложение/.

2. Аффиксация.
3. Семантический способ.
4. Синтаксический способ.
5. Фразеологический способ.

Следовательно, по способу образования учебно-педагогические термины ингушского языка представляют собой: сложные слова, компоненты которых суть основы слов или полные слова; лексические образования с помощью аффиксов /в основном суффиксальные/; исконные ингушские слова, получившие дополнительные терминологические значения; термины-словосочетания и, наконец, заимствования. Все эти способы являются продуктивными в ингушском языке.²

Способ словосложения признается более древним и в настоящее время одним из самых распространенных способов образования слов в нахских языках. Вместе с тем, многие термины ингушского языка, в том числе и учебно-педагогические, образованы на основе лексического фонда ингушского языка путем сложения полного оформленного слова, чаще всего масдарной формой глагола. Таким способом образованы следующие термины: дешатIехье /последелог/, куцдош /наречие/, белгалдош /прилагательное/ и др.

В этом плане особый интерес представляют слова, образованные в ингушском языке из исконных и заимствованных основ. К терминам подобного образования в ингушском языке относятся неологизмы. Это своего рода кальки, широко употребляемые в ингушском языке. Как правило, их структура такова: заимствованное имя существительное + исконное отглагольное существительное или масдар + суффикс, например: книгайешархо /читатель книги/, машенлелаярхо /водитель машины/, орденлелаярхо /орденоносец/ и др.

При морфологическом освоении учебно-педагогической терминологии русского языка ингушским языком, последний, как правило,

перестраивает их к своему морфологическому строю и, естественно, где это нужно, прибавляет к ним соответствующие продуктивные форманты ингушского языка. По этому поводу Льянова Ф.С. пишет: "Чтобы заимствуемый материал приобщить к лексике усваивающего языка, необходимо и соответствующее грамматическое оформление. При заимствовании иноязычный материал освобождается от всего того, что не может быть воспринято языковой системой усваивающего языка и подчиняется правилам грамматики последнего".³

Заимствованная терминология из русского языка подчиняется системе склонения ингушского языка, например:

И.п.	школа	пионер	педагогика
Р.п.	школен	пионера	педагогикан
Д.п.	школенна	пионера	педагогикана и т.д.

Исходя из особенностей ингушского языка, во многих заимствованных терминах усекаются конечные гласные, например: подлежащи /подлежащее/, сказуеми /сказуемое/, академи /академия/, сесси /сессия/, учительски /учительская/ и др.

Одним из распространенных способов образования учебно-педагогической терминологии ингушского языка является семантический способ. Семантические /смысловые/ кальки в ингушском языке возникают тогда, когда какое-то слово, которое и до этого существовало в языке, приобретает новое значение, причем последнее возникает в результате перевода слова или термина с русского или другого языка, например: яха ха "прошедшее время", карара ха "настоящее время", цхьоален /таьрахь/ "единственное /число/" и т.п. Сказанное свидетельствует о том, что большое количество учебно-педагогических терминов, созданных на материале ингушского языка под благотворным влиянием русского языка, представляют собой слова, приобретшие дополнительные лексические значения.

Более того, определенная часть учебно-педагогических терминов ингушского языка создана в результате семантических изменений слов, например: гIалат "ошибка", гIадам "точка", гIормиг "сумка, портфель", Iамор "обучение" и т.д.

В синтаксическом плане, учебно-педагогическая терминология ингушского языка формируется и развивается под сильным влиянием учебно-педагогических традиций русской мысли. Например, дезала педагогика "семейная педагогика", кхеташ дешар "объяснительное чтение", гойтара цIерметдох "указательное местоимение" и т.д. В результате чего мы в соответствующей литературе по ингушскому языку повседневно сталкиваемся с удачными структурно-лексико-семантическими переносами /кальками/, а также и неудачными, т.е. механически переведенными категориями, словами, словосочетаниями и предложениями. С подобными фактами мы встречаемся при рассмотрении вопросов анализа и разработки многих лингвистических и педагогических терминологических интерпретаций в ингушском литературном языке.

Наиболее многочисленными по составу и распространенными по употреблению в ингушском литературном языке являются кальки, образованные на основе фразеологических сочетаний, широко употребляемые в учебно-педагогической практике. Причем, здесь можно разграничить полные и неполные фразеологические кальки. С другой стороны, исходя из грамматической структуры фразеологических сочетаний, можно выделить и такие группы, как субстантивированные /где опорное слово выражено именем/ и глагольные /где опорным словом является глагол/, например: хьехархочун декхар "долг учителя", класса кулгалхо "классный руководитель", урок Iомаяр "учить урок" и т.д.

При изучении заимствований из русского языка и через него

вошедших в фонд учебно-педагогической терминологии, важно установить, каким изменениям они подверглись в системе ингушского языка. Одни являются калькой с русского языка: мохкIамор "природоведение", хьехархо "учитель", дешархо "школьник"; другие усваиваются ингушским языком без особых изменений: пионер, педагогика и т.д.; третьи, приспособляясь к особенностям ингушского языка /фонетическим, орфографическим, лексико-семантическим, морфологическим, синтаксическим/, претерпевают семантические изменения и в разные эпохи выступают в разных значениях. Часто соотносительные термины вначале носят синонимический характер, а потом начинают различаться в семантическом отношении /конкуренция и кьовсам и т.д./. Отметим при этом, что заимствования употребляются только в узких, специальных значениях, тогда как их эквиваленты на ингушском языке, выступая в разных контекстах, могут получать и новые значения.

-
1. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. - Грозный, 1979. - С.141.
 2. См.: Дешериев Д.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... - Грозный, 1963. - С.389-411; Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. - Ч.1. - Словообразование. - Грозный, 1968. Ч.2. - Аффиксация. - Грозный, 1970; Куркиев А.С. Указ. соч. - С.160-179.
 3. Лянова Ф.С. Характеристика влияния русского языка на развитие и обогащение словарного состава чеченского и ингушского языков //Известия ЧИНИИЯЛ. - Т.9. - Языкознание. - Грозный, 1970. - С.36.

Ф.Г.Оздоева.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория модальности, выражающая соотношение речи с действительностью, принадлежит к числу важнейших общелингвистических категорий. Способы выражения модальных значений разнообразны: они выявляются в грамматической категории наклонения, в лексическом составе и интонационно-мелодической структуре синтагмы или целого предложения.

"Модальные слова в живом процессе речи, - пишет В.В.Виноградов, - не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов."¹

В русской грамматической традиции модальные слова долгое время не выделялись как самостоятельная категория. Впервые они были выделены А.А.Потебней⁴. В своей работе А.А.Шахматов, выделяя модальные слова, не проводит четкой границы между ними, наречиями и указывает на возможность перехода наречий в модальные слова.⁵

Отсутствие единства мнений по указанной проблеме в научной лингвистике обуславливается сложностью проблемы, а также многозначностью в функционировании одних и тех же словоформ в зависимости от ситуации.

Сложность и нерешенность проблемы модальных слов обуславливается и тем, что они не выделяются в особую часть речи, что приводит к тому, что порой трудно провести грань между модальными словами, наречиями, частицами и т.д.

В нахских языках категория модальности пока не изучена. Вопрос этот имеет научное и практическое значение. Известно, что под категорией модальности принято понимать отношение речи к объективной действительности, т.е. соотношение речи с действительностью. Модальные значения в языке могут передаваться различными средствами: интонацией, лексическими /разными модальными словами и выражениями/, грамматическими /наклонения/ и лексико-грамматическими, к которым относятся модальные глаголы. Последние выступают в предложении в сочетании с инфинитивом другого глагола, образуя составное сказуемое, например: Кианка цига ваха веза "Мальчик туда должен пойти".

Модальные слова в нахских языках образованы от знаменательных частей речи, главным образом, от глагольных форм. В процессе развития часть из них порвала связь с этимонами, связь же некоторых сохраняется. Однако следует отметить, что они полностью утратили грамматические категории и синтаксические функции частей речи, к которым восходят.

Характеризуя модальные слова как лексико-грамматическую категорию А.Н.Гвоздев пишет: "К модальным словам относятся только некоторые из вводных слов, именно те, которые устойчиво употребляясь в качестве вводных слов утратили связь с теми частями речи, к которым они принадлежали по происхождению".²

Не отказывая автору в справедливости вместе с тем отметим, что к модальным словам относятся и модальные глаголы, и частицы.³

Модальные слова в ингушском языке могут быть представлены следующими группами:

1. Модальные слова глагольного происхождения типа: дизза /в, й, б/ "должен, должна", изша "иметь необходимость", мага "мочь", "иметь возможность", хизтаргахья "по-видимому", "вероятно", "возможно", дувцадох "по всей вероятности", халахь "знай", хеттача тайпара "как кажется" и другие.

2. Модальные слова, образованные сочетанием глагольных форм с разными словоформами, которые близки к устойчивым сочетаниям, типа: лоацца аьлча "короче говоря", бакьдар аьлча "откровенно говоря", иштта аьлча "так сказать", иштта даде а "буквально", "итак", кхыча бessa /тайпара/ аьлча "иначе говоря", дуолча бessa /тайпара/ "как известно", "как говорят", дий хьуона дизций хьуона "так сказать", мичча бessa даде а "как бы то ни было" и др.

3. Модальные слова, образованные от именных форм и наречий, типа: буюккьал "правда", хIаьта иштта "значит так", иштта а, виешта а "так или иначе", тIеххьара "в конце концов", цкьададе "во-первых", вешта даде "иначе", "по-другому", цхьан оагIуорахьара "с одной стороны", вуокха оагIуорахьара "с другой стороны" и другие.

4. К модальным выражениям можно отнести некоторые словосочетания, которые находятся на стадии перехода в разряд модальных. Сюда относятся: бакьдар ала деза "правду надо сказать", "надо заметить", хьанна хов "кто знает", аз йахачох тизшалахь "поверь мне", ла ца лай "во чтобы то ни стало" /букв. "умереть не умрет если"/, хур хургда, хиннар гургда "будь, что будет" и др.

Рассмотрим значения и функции каждой группы выделенных нами модальных слов:

1. Первую группу составляют модальные слова, выражающие зна-

чения необходимости, долженствования или возможности. Конкретизируя в зависимости от контекста обобщенные значения необходимости, долженствования или возможности, эти слова передают богатые оттенки модальных значений - предположение, сомнение, уверенность, неуверенность и т.д.

Эти значения, прежде всего, выражаются модальными глаголами, которые образуют особый разряд лексико-грамматических средств. Они являются одновременно значимыми, обладают лексическими значениями и служебными словами /несут в предложении функцию выражения предикативности/, например: Дешар дукха деза цу кІаьнка "Мальчику нравится учеба". Суона изшар цхьа-ши метр кІада "Мне требуется один-два метра материи". Царна гІулакх мегаьд "Им это дело подходит". Выделенные глаголы выступают как лексически и грамматически значимые единицы языка.

Указанные глаголы, выступая выразителями модальных отношений в составе составного глагольного сказуемого, теряют лексическое значение.

В сочетании с инфинитивом модальные глаголы не выражают действие или состояние в их прямом смысле, а являются носителями грамматических значений. Характерной особенностью их является также и то, что они выступают выразителями грамматических значений только в сочетании с инфинитивом. Они являются носителями категории наклонения и времени. Например: Студенташа шоай ханна хьа экзаменаш дІаьдла еза "Студенты своевременно должны сдать экзамены. Цига ваха мег со йиш хуле "Я смогу пойти туда, если будет возможность". Из кьамаьл суоца де эшац тахан "Этот разговор не следует вести со мной сегодня".

Из модальных глаголов большее распространение получил глагол диза /в,й,б/, который согласуется в классе с субъектом или

объектом. Ср.: Къавна цига вахъ веза "Мальчик туда должен пойти". Йога цига йаха йеза "Девочка туда должна пойти" /здесь - согласование с грамматическим классом субъекта/ и Аз книжка эца диеза "Я книжку должен купить" /согласование с классом субъекта/.

В чеченском языке, наряду с этим, возможно употребление модального глагола диеза независимо от грамматического класса субъекта, например: Са цига вахъ диеза /грамматический класс женщин/ и Са цига йаха диеза /грамматический класс женщин/.

Это явление подтверждает мысль о том, что глагол диеза десемантизируется и превращается в модальный глагол.

Необходимо отметить, что, когда речь идет об объекте, то указанный глагол принимает классный показатель объекта, например: Кхайканчу хьо ваха веза, армийн билет эца деза, Сийлахь арми ваха веза, вайн дазу ахь ларда деза /Нохчийн илли/ "Куда призвали ты должен пойти, билет в армию ты должен получить, в Великую армию ты должен идти, нашу границу ты должен охранять" /Перевод подстрочный/.

Модальные глаголы в ингушском языке всегда занимают позицию после инфинитива. В чеченском языке так же. В бацбийском языке, в отличие от чеченского и ингушского языков, модальный глагол децI /в, й, б/ занимает позицию перед инфинитивом, например: Ас вецIес ваха осI "Я должен пойти туда" /класс мужчин/. Ас йецIес йаха осI "Я должна пойти туда" /класс женщин/. Как видно из примеров, указанный модальный глагол принимает личное окончание.

Наряду с модальным глаголом диеза в ингушском языке функционируют следующие модальные глаголы, образованные от соответствующих значимых глаголов: мага "мочь", иэша "иметь возможность, необходимость". Однако дистрибуция их более ограничена.

Глагол мага выражает возможность, вероятность и в сочетании с инфинитивом образует составное сказуемое, например: Из Москве деша ваха мег "Он может поехать в Москву учиться" /т.е. "имеет возможность учиться"/. Ср.: бацб. Со макІ ваха "Я могу пойти". Глагол иэша, как правило, употребляется в форме отрицательного наклонения: Со цига ваха иэшац "Мне туда нет необходимости идти".

Категории времени и наклонения представлены у модальных глаголов следующими формами: настоящее время изъявительного наклонения - деза /в, й, б/, мага, иэша; прошедшее время изъявительного наклонения - а/ дезар /в, й, б/, муогар, иэшар
б/ дийзар, мегар, ийшар
в/ дийзад, мегад, ийшад.

Вопросительное наклонение имеет те же формы, что и глаголы значимые: Со ваха везий цига? "Я должен идти туда?" Со ваха мегий цига? "Я могу пойти туда?" Со ваха эший цига? "Я должен пойти туда?"

Указанные глаголы имеют формы настоящего и будущего времен вопросительного наклонения.

Глаголы диза /в, й, б/ и иэша выступают в форме отрицательного наклонения, настоящего, прошедшего и будущего времени: Со цига ваха везац "Я туда не должен идти". Са цига ваха везацар "Я не должен был идти туда". Са цига ваха везаргвац "Я туда не должен буду пойти". Из гІулакх де эшац "Это дело не следует делать". Из гІулакх де эшацар "Это дело не нужно было делать".

Глагол мага отрицательную форму строит при помощи частицы ца "не", которая ставится перед инфинитивом: Со цига ца ваха мег "Я туда, вероятно, не пойду". Со цига ца ваха мегаргва "Мне туда идти нет необходимости" /будущее время/. Формы прошедшего времени модальный глагол мага "мочь" не имеет.

Суммируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

Модальные глаголы совместно с инфинитивом указывают на характер связи между предметом мысли и речи и действием с его результатом, на отношения долженствования, необходимости, предположения, возможности, т.е. значения, передаваемые модальными глаголами, группируются вокруг двух понятий - необходимости и возможности. В зависимости от контекста их значения конкретизируются и приобретают частные модальные значения и оттенки: от долженствования или необходимости до предположения, от возможности до неуверенности и сомнения.

При сравнении глаголов диеза, мага, иэша очевидно, что различия между ними заключаются в степени вероятности высказывания, предположения, долженствования к действительности, ср.: Цун шовзткъя шу хила деза "Ему должно быть сорок лет" и Цун шовзткъя шу хила мег "Ему, возможно, сорок лет". Характер смысловых связей в указанных примерах будет одинаковым, разница лишь в различных оттенках.

Вторую группу составляют:

а/ модальные слова и выражения, обозначающие оценку, стиль, различные способы выражения мысли. Говорящий высказывает субъективное отношение к действительности. Сюда входят слова и выражения типа: бакъдар аьлча "откровенно говоря", "между нами говоря"; лоацца аьлча "короче говоря"; кхыча бесси аьлча "иначе говоря" и другие. Примеры: Укх шера, бакъдар аьлча, хаоттам дика хиннаеце а, ялат ханнахъа чуийцад совхоза болхлома "Откровенно говоря, хотя погода в этом году была и неблагоприятной, рабочие совхоза во время собрали урожай". Лоацца аьлча, тахан ч!оаг!а безаме в!ашаг!кхетар хилар совхозе /"Сердало"/ "Короче говоря, сегодня в совхозе состоялась приятная встреча". Кхыча бесси аьлча, ер

г/улакх к/ордааьд "Иначе говоря, это дело надоело".

б/ Модальные слова и выражения, обозначающие оценочную характеристику сообщения. Они "выражают сложную и богатую оттенками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения степени его достоверности".¹ Сюда можно отнести: мичча басса /тайпара/ дале а "как бы то ни было", "безусловно"; доллча басса /тайпара/ "действительно", "безусловно"; хеттача басса /тайпара/ "как кажется"; суона хеташ "как мне кажется", "по-видимому"; в/алла х/ама деце а "по крайней мере" и другие. Примеры: Мичча басса дале а, х/айна т/адила г/улакх чакхдакха деза /а "Как бы там ни было, порученное тебе дело надо довести до конца". Сога хавттача, больнице /о а вижа, дарба де деза цуо "По-моему, он должен лечь в больницу и лечиться". Доллча басса, из к/амаьл нийса дац "В самом деле, этот разговор несправедливый".

в/ Модальные слова, выражающие ход мыслей говорящего, порядок изложения фактов, суждений и т.д., типа: ц/к/адале "во-первых", шуозлаг/а "во-вторых", ц/х/ан оаг/уорах/ара "с одной стороны", вуокха оаг/уорах/ара "с другой стороны", эггара х/алха "прежде всего", т/и/ех/ара "наконец", х/алхаг/а ма аллара "как уже сказано, известно", цул совг/а "кроме того", дуолче "итак", х/а/ьта иштта "значит так", "итак" и другие. Примеры: Ц/к/адале, са сай шуча ва из, шуозлаг/а-дале, захал а хул из "С одной стороны, он мне двоюродный брат, с другой стороны - родственник по жене". Х/а/ьта иштта, сага дага а доацаш хилар из г/улакх "Итак, совсем неожиданно произошел этот случай".

г/ Модальные слова, выражающие призыв к собеседнику. Говорящий хочет привлечь внимание к какому-нибудь событию, факту. Эти

слова глагольного происхождения. Утеря ими категориальных значений привела к постепенному ослаблению лексического значения. Сюда входят слова типа: халахь "знай", "будь уверен", хетаргахья "по-видимому", "кажется", хьаха "как известно", хьагучох "по всей вероятности", хьанна хов "кто знает", хаций хьуона "конечно", "возможно" и другие. Примеры: Хетаргахья, тахан догIа дел харгда "По-видимому, сегодня пойдет дождь". Хьанна хов, цунах пайда бала а мег "Кто знает, может от этого и польза будет". Хьаха, замеш сиха цIа боагIаргболаш вIашагIделлад цар "Как известно, они договорились, что сваты скоро возвратятся домой". Хьагучох, дика нах болчоа тара ба уж " По всей вероятности, они должны быть хорошие люди". Хаций хьуона, кIаьнка фуннагIа дича даьша теркал дац "Видишь ли, чтобы мальчик не делал, родители не обращают внимания".

д/ Немногочисленную группу составляют модальные выражения, фразеологического типа, выражающие экспрессивно-эмоциональную характеристику речи, типа: дий хьуона, деций хьуона "так сказать", хьуона дикадар алилга "сказать тебе доброе", дика дувцарг "доброе сказать", бегашта аьлча "в шутку говоря", цIенхашта аьлча "серьезно говоря", хьуо дукха вахарг "не в обиду будь сказано" и некоторые другие. Примеры: Хьуо дукхавахарг, суона хеттача тайпара дика саг хиннавацар из-м "Не в обиду будь сказано, он-то оказался не таким хорошим, как казался". ЦIенхашта аьлча, вIалла дагадоацаш хилар из зоахалол "Серьезно говоря /откровенно говоря/, неожиданным получилось это сватовство".

Подводя итог изложенному выше, следует сказать, что в ингушском языке выделился особый тип слов, которые относятся к разряду модальных. Они объединяются семантическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Модальные слова и выражения выступают с экспрессивной функцией, сближаясь с частицами и междометиями и принимают участие в общей эмоциональной окраске предложения. Они усиливают выразительность речи, выражают субъективную оценку сообщаемого факта, явления.

Сферой функционирования модальных слов и выражений является, главным образом, живая разговорная речь. Употребляясь в литературном языке, они выполняют те же экспрессивные функции.

-
1. Виноградов В.В. Русский язык /грамматическое учение о слове/. - М.: Изд. II. Высшая школа, 1972.
 2. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. -М.-Л., 1947.
 3. Озлова Ф.Г. Историческая характеристика служебных слов /частей речи/ в нахских языках. - Грозный, 1976.
 4. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. - Т.4. - М.-Л., 1941.
 5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - Л., 1941.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования грамматического строя вайнахских языков имеют большую значимость для совершенствования и создания учебной и справочной литературы по этим языкам.

Хотя и считается, что морфология - наиболее исследованный раздел вайнахского языкознания, много вопросов еще остается нерешенных. Не до конца решены они и в данном сборнике, посвященном дальнейшему системному исследованию строя нахских языков. Данный сборник является очередным шагом в деле дальнейшего научного изучения этих языков.

Статьи, включенные в данный сборник, охватывают обширный круг вопросов в рамках данной проблемы.

В статье И.Д.Алироева и О.В.Чапанова рассмотрена словообразовательная структура ряда социальных терминов. Ценным в статье является то, что приводятся параллели из других кавказских языков.

Статья Б.С.Арсемиковой освещает одну из сложных проблем вайнахского языкознания. На основе анализа некоторых форм повелительного наклонения автор приходит к выводу, что многочисленные глагльные формы, которые в чеченском языке традиционно называются формами повелительного наклонения, выражают побудительную модальность.

В статье Т.М.Вагаповой последовательно рассмотрены образование, изменение, сочетаемость, продуктивность слов, образованных от числительных. Анализ практического материала позволяет автору сделать вывод о том, что числительные принимают самое активное

участие в образовании именных и глагольных форм.

Статья В.Ю.Гиреева восполняет пробел в исследовании морфологической системы чеченского языка в области причастия. В ней представлены серьезные доводы в пользу тезиса о глагольности самостоятельного причастия. Тем самым она имеет выход к решению некоторых вопросов вайнахского синтаксиса.

В статье А.У.Мальсагова и Л.Ю.Кодзоевой анализируются как исконные, так и заимствованные учебно-педагогические термины, отмечается роль русского языка в формировании терминов, являющихся структурными или семантическими кальками.

Статья Ф.Г.Оздоевой посвящена модальным словам в ингушском языке. В статье выделены модальные слова глагольного происхождения, слова, образованные сочетанием глагольных форм с разными словоформами, слова, образованные от именных форм и наречий, которые находятся на стадии перехода в разряд модальных.

На наш взгляд, выход в свет данного сборника явится новым шагом в деле дальнейшего изучения морфологии вайнахских языков.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Алироев Ибрагим Юнусович - зав.кафедрой общего языкознания Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н. Толстого, доктор филологических наук, профессор.
2. Арсемикова Белла Салмановна - ассистент кафедры вайнахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н.Толстого.
3. Вагапова Тамара Магомедовна - ассистент кафедры вайнахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н.Толстого.
4. Гиреев Ваха Юсупович - старший научный сотрудник сектора языка Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, кандидат филологических наук.
5. Кодзоева Лейла Юсуповна - младший научный сотрудник сектора языка Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.
6. Мальсагов Алихан Уматгиреевич - старший преподаватель кафедры иностранных языков Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н.Толстого.
7. Оздоева Фируза Гиреевна - профессор кафедры вайнахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н.Толстого, доктор филологических наук.
8. Чапанов Орцнако Висангиреевич - зав.сектором языка Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, кандидат филологических наук.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Алироев И.Д., Чапанов О.В. Отражение дифференциации чечено-ингушского дореволюционного общества в социальной терминологии вайнахов с. 5
2. Арсемикова Б.С. К модальной характеристике форм повелительного наклонения в чеченском языке с. 13
3. Вагапова Т.М. Образование отчислительных слов и словосочетаний в чеченском языке с. 25
4. Гиреев В.Ю. Самостоятельное причастие в чеченском языке.. с.36
5. Мальсагов А.У., Кодзоева Л.Д. К вопросу об образовании учебно-педагогической терминологии ингушского литературного языка. с. 58
6. Оздоева Ф.Г. Модальные слова и выражения в ингушском языке с.63

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ**

дано в набор и подписано к печати 12.11. 1986 г. Печать офсетная.
сл. п. д. 4,65. СФ02433. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 500. Заказ № 266. Цена 10 к.

Типография им. И. Н. Заболотного Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров ЧИАССР. 364021, Грозный, ул. Интернациональная, 12/33.